

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

1917¹⁵_{XII} 1922

НАУКА

== И ==

ПРОСВЕЩЕНИЕ

Журнал
Народного Комиссариата Просвещения
Туркеспублики

№ 2

Октябрь—Декабрь

ТАШКЕНТ

1922

Главсоцвос.

Общая характеристика начального образования в Туркестане.

1. Дореволюционный период

Государственная школьная политика. До революции школьное дело в Туркестане, как и вообще вся общественная жизнь этого края со своеобразной культурой, находилось под железным колпаком колонизаторской политики. На первом, господствующем плане, стояли не естественные права коренных национальностей на свободное культурное самоопределение, а интересы самодержавно-полицейского строя. Школьная система в Туркестане была построена на началах „русской государственности“. Правда, допускалось видоизменение—в зависимости от местных условий,—но не настолько, чтобы вести наших инородцев к космополитизму и интернационализму¹⁾.

С другой стороны—„прежде всего и больше всего —просвещение центру, а потом уже окраинам“. „Не может быть ничего несправедливее и ничего опаснее политики, основанной на предпочтении инородцев той великой массе населения, которая составляет основную силу государства“¹⁾.

Отсюда—затяжной и односторонний характер прежнего школьного строительства на территории Туркестана

Школьные системы. В Туркестане действовали три, различные между собою, системы народного образования: 1) школа общеимперского типа, 2) русско-туземная школа и 3) националистическо-конфессиональная школа.

Общеимперская школа насаждалась преимущественно среди русского населения. Функционировали следующие типы школ: а) приходское училище по уставу 1828 г., б) сельская министерская школа, в) школа грамоты, г) пресловутая церковно-приходская школа, которая проникла и в далекий Туркестан.

Русско-туземная школа. Попытки распространения образования в массы туземного населения, путем организации школ общеимперского типа, не имели успеха. Гораздо более пригодным проводником руссификаторской политики оказалась школа второй разновидности государственной школьной системы—*русско-туземная школа*. Эти школы стали организовываться с 1885 г. по схеме начальной русско-инородческой школы системы Ильминского, и „по своим задачам

1) Будилович „Труды особого совещания по вопросам образования восточных инородцев“.

должны были служить проводником в среду коренного населения“ русских симпатий и русского патриотизма“²⁾. „Школы эти должны проводить в среду туземного населения русскую грамоту и культуру и служить средством для просвещения и слияния с русскими всей массы туземного населения“³⁾. Вместе с тем, русско-туземная школа призвана была установить известное равновесие между двумя типами школ: государственной и националистически-конфессиональной.

Конфессиональная школа. Местная конфессиональная школа, „являясь сколком старой арабско-персидской школьной системы, уходит своими корнями в глубокую древность“⁴⁾, и в численном отношении представляет собою крупную единицу. Школы эти содержались на доходы с вакуфов и на добровольные пожертвования. Учителям в них, главным образом, муллы, звание которых тесно слилось, в понятии коренных народностей, с учительством. Конфессиональная школа разделяется на две ступени: мектеб—начальная школа и медресе—школа со средним мусульманским образованием.

Мектебы, по преподаваемым в них предметам и методам обучения, разделялись на старометодные и новометодные.

По словам Бедржицкого („Школы туркменов“, в апрельской книге „Журнала М. Н. Пр.“ за 1911 г.) „наиболее встречаемые элементы мектебных (старометодных) занятий сводятся к следующему:“⁵⁾

- 1) Изучение арабского алфавита: букв и надстрочных знаков.
- 2) Склады (на это тратились иногда целые годы).
- 3) Чтение текстов молитв и выучивание их наизусть.
- 4) Обучение письму—механическому чистописанию.
- 5) Обучение благонравным манерам (книжные сказы и наставления мулл).

По описанию Н. П. Остроумова, одного из главнейших насадителей русского „просвещения“ в Туркестане, „курс учения в мектебах заключается в прочтении и, отчасти, заучивании наизусть нескольких книг на персидском и арабском языке, касающихся основ вероучения и обрядовой стороны жизни мусульман“.

Таким образом „все образование—обучение в старометодных мектебах сводится только к научению механически читать (но не понимать) Коран и др. богословские книги, написанные на арабском языке“.

Общеобразовательные предметы в старометодных мектебах не изучаются. Арифметика даже не признавалась за науку.

Однако, застывший в допотопных формах уклад школьной жизни все же с течением времени дал трещины. В часть школ проник звуковой метод обучения, дающий возможность в несколько месяцев научиться читать и писать, что по старому буквослагательному методу требовало длительного промежутка времени. Появились так называемые новометодные мектебы. В программу преподавания многих новометодных мектебов, кроме вероучения, введены родной язык, арифметика и даже начатки истории и географии.

²⁾ Будялович. „Труды особ. сов. по вопр. обр. вост. инор.“.

³⁾ Граменицкий. „Очерк народного образования“.

⁴⁾ „Труды особ. совещ. по вопр. обр. вост. инор.“.

⁵⁾ Беляев „Мектебы Закаспийской области“.

Практическое значение начальных туземных школ ничтожно. В этом отношении между конфессиональной школой и государственной школой прежнего времени нет большой разницы. С точки зрения подлинного прогресса, государственная начальная школа при господстве трехчленной формулы просвещения: православие, самодержавие и народность—мало чем разнилась от схоластической народно-конфессиональной школы. И та и другая давали подавляющему большинству учащихся лишь элементарную грамотность, скоро забываемую.

Применяя в Туркестане с неменьшей последовательностью, чем на других окраинах руссификаторскую школьную политику, царское правительство в отношении местной конфессиональной школы проявляло некоторую терпимость. Объясняется это, во-первых, тем, что местные национальные школы с их вековыми обычаями и конфессиональным укладом, при застывших, допотопных формах обучения и воспитания не представляли непосредственной угрозы для господствовавших в крае колонизаторских тенденций: запущенность и беспомощность целой системы школ было по духу колонизаторским стремлениям царизма; во-вторых, осторожностью правительства по тактическим соображениям политического характера, диктуемых особенностями духовного быта и уклада народов Востока. Правда, боязнь проникновения через указанную школьную систему в массы коренных народностей панисламских и пантюрских стремлений заставляло правительство зорко следить за туземной школой; в последнее время оно даже имело виды использовать новометодные мектебы в руссификаторских целях. Так, инспектор народных училищ И. Беляев, в брошюре „Мектебы Закаспийской области“, изданной накануне революции, пишет: „Желательно в будущем следить за ходом развития указанного метода: новометодные мектебы могут и должны служить передаточной инстанцией к русско-туземной школе, но могут они стать и в оппозицию к таковой, как к проводнику русской культуры...“

В общем итоге наблюдается отсутствие устойчивости и систематичности правительственных воззрений и мероприятий, которые так и не были приведены в одну стройную и законченную систему. Для слежки за указанной школьной системой, в 1889 г. была учреждена даже должность инспектора туземных школ в Туркестане.

Но это вскоре показалось поощрением инородческому сепаратизму и указанная инспекторская должность была упразднена. Официальный мотив упразднения—„недостаточная согласованность их деятельности с деятельностью прочих органов М. Н. Пр“. В 1905 г. Особое Собрание по вопросам образования восточных инородцев категорически высказалось за восстановление указанной должности, причем таких инспекторов намечалось два: узбекско-киргизский и таджикский. Проект совещания застрял, однако, на полках Министерства. Функции надзора находились в руках директоров и инспекторов народных училищ и, отчасти, Мин. Вн. Дел., фактически же конфессиональные школы Туркестана находились под слабым правительственным надзором, жили обособленной жизнью, не имея зачастую надзора и контроля. И статистические сведения о них были крайне скудны и неустойчивы.

По официальным статистическим данным, конфессиональных школ (медресе и мектебов) в Туркестане насчитывалось: ⁶⁾

	1894 г.	1905 г.	1911 г.
Число школ .	6445	6938	7070
Учащихся в них	6843	7143	6581
Учащихся . .	90983	85107	98469

По сведениям, заимствованным из годового отчета М. Н. Пр. за 1911 г., их насчитывалось:

к 1 января 1911 г.—7196

к 1 января 1912 г.—6966

По отчету за 1911 г. Главного Управления учебными заведениями Туркестанского края, конфессиональных школ (мектебов и медресе) числилось 7256.

Приведенные цифровые данные, подтверждая вышеупомянутую неустойчивость статистических сведений, свидетельствуют, тем не менее, о несомненном росте конфессиональной школы.

Начальная школа. Начальные школы в Туркестане впервые были открыты в 1860 г.—в Перовске и Казалинске. К моменту учреждения Туркестанского Генерал-губернаторства (1876 г.) в крае насчитывалось 7 государственных начальных школ. За период существования Туркестанского края в составе двух областей—Сыр-Дарьинской и Семиреченской (1876—1882 г.) число начальных школ возросло с 8 до 17. Необходимо, однако, оговориться, что указанное возрастание относится лишь к Сыр-Дарьинской области. Сведений о школах того времени по Семиречью (Джетысуйская обл.) не имеется. В последующие годы, начиная с 1883, — начала существования Туркестана, как административной единицы, в составе областей Сыр-Дарьинской, Ферганской, Самаркандской и Аму-Дарьинского Отдела—по 1896 г. число начальных школ возросло до 90. С 1896 г. по 18 января 1911 г.—момента однодневной государственной школьной переписи—число их достигло 445. Только что приведенные данные относятся лишь к школам М. Н. Пр. и Вед. Прав. Испов. Всех же начальных школ, находящихся под непосредственным контролем русской государственной власти, насчитывалось к 18 января 1911—476 (по данным, заимствованным из выпуска XII—XV однодневной переписи 1911 г.). По данным министерского отчета за 1912 г., прирост школ М. Н. Пр. и В. Пр. Испов. составляет в 1911 г.—4, в 1912 г.—13.

К началу революционной эпохи число начальных школ в Туркестане достигло 576.

⁶⁾ Сведения за 1905 г. заимствованы из доклада Острумова на Особом Советании по вопросам образования восточных инородцев. Сведения за 1894 г. и 1911 г. взяты из материалов однодневной переписи начальных школ в Империи, произведенной 18 января 1911 г.

Обобщая приведенное историко-статистическое обозрение, получаем следующую таблицу последовательного роста начальной школы:

Периоды	Всего открыто	Средним числом в год
1860—1876	7	—
1877—1882	10	2
1883—1896	63	5
1897—1910	366	28
1911—1916	210	52

До 1896 г. рост школ был ничтожен. За 30 лет возникло всего 90 школ. Последовательный рост начальной школы в дореволюционный период не отличается равномерностью. Последовательный рост русско-туземной школы может быть выведен лишь путем кропотливых изысканий.

* * *

Школьное строительство дореволюционного времени носит не только затяжной, но и односторонний характер. Неудавшийся опыт распространения образования среди коренных народностей, путем организации в сельских местностях со сплошным коренным населением русско-туземных школ, охладила дальнейшие строительные планы правящих сфер. Причину неудачи правительство усматривало „в неподготовленности к просвещению туземного населения“. „Масса туземного населения совершенно глуха к этим попыткам, к ее просвещению“. В связи с установившимся взглядом на преждевременность просвещения коренного населения, рост сети русско-туземных школ значительно отстал от роста сети русских школ, что особенно заметно в сельских местностях. Русско-туземные школы стали открываться преимущественно в городах и в пунктах со смешанным населением.

Для частного обслуживания детей сельского коренного населения при некоторых русско-туземных школах стали открываться с 1895 г. небольшие интернаты. Первое русско-туземное училище было открыто в 1884 г.

Заканчивая краткий очерк начального образования (нижней школы), приходится констатировать крайне слабое развитие народного образования в дореволюционном Туркестане за более чем полувековой период. Особенно резко бросается отсталость сети школ для коренных народностей. Лишь в последний предреволюционный период заметно некоторое усиление деятельности школьного строительства.

II. За пять лет революции.

(Факты и цифры в области социального воспитания).

Октябрь 1917 г. открыл перед школой широкий путь свободного, самостоятельного и творческого развития. Революция смела все устои старой школьной системы и открыла новую страницу в теории и практике педагогики. Старая школа, приуроченная к условиям буржуазного строя, умерла и не воскреснет. Новой школы, в ее подлинном смысле, у нас еще нет: создание новой трудовой школы—процесс, требующий весьма длительного промежутка времени. „Новая школа может быть создана лишь в результате тысячекратных усилий найти то, что подлинно нужно детям трудящихся масс“. Наше время—время упорных поисков здоровых путей, наиболее верно ведущих к поставленной цели. Несмотря на четырехлетний юбилей Единой Трудовой Школы, „вопрос до сих пор не сведен к единству взглядов на нее“¹⁾. Пути практического осуществления трудового принципа в школе еще недостаточно освещены. В выборе этих путей нужна большая осмотрительность и осторожность. Работа широкой учительской массы по проведению в школу трудового принципа по циркулярно—рецептурному методу декларированных „трудовых процессов“, в конечном итоге не дала положительных результатов. Банкротство «трудовых процессов», став фактом, однако, далеко не означает банкротства трудового принципа, как такового. Ошибочны были только пути и методы, но не *идея трудового начала*.

От „трудовых процессов“ сделан поворот в сторону реализации трудового принципа на основе политехнизма с его индустриальным и сельскохозяйственным уклонами. Путь верный и прямой, но не вполне еще выявленный. Чтобы не сбиться с пути и не попасть в тупик, необходимо осмотрительно—медленное по нему продвижение. Здесь более чем где-либо не следует желание принимать за действительность. „Политехнизация“ в массовом масштабе трудовой школы—идеал более отдаленного будущего. „Политехническая общеобразовательная школа“, выражаясь словами Тэвса (о народной германской школе), „это та школа, которой у нас вообще еще нет,—вот пока единственно верное ее определение“. Брезжащий в тумане далекого будущего неоспоримый идеал подлинной политехнической школы, с ее широчайшим заданием—воспитанием „всезнающей и всеумеющей“ личности,—должен на время уступить свое первенство, в смысле практического задания, ближайшей, конкретно—насущной необходимости: осуществлению всеобщего обучения через постепенно—трудовую школу переходного периода. Упрощение (но не искажение) сложных принципов трудового воспитания в теперешней массовой школе, в силу целого ряда объективных причин, не-

¹⁾ Иорданский. Ближайшие задачи Главсоцвоса.

обходимо и неизбежно, если мы действительно хотим, чтобы правда новой школы совершилась до конца. Трудно осуществимо одновременное стремление к достижению двух целей: массовому насаждению образования и массовой идеальной школе. Последняя, при современном, более чем скромном материальном и культурном базисе,—не всепоглощающая цель. Она может и должна служить в роли буксирного парохода, тянущего тяжелую баржу—массовую школу.

Нам нужна политехническая школа,—но сейчас, в условиях суровой экономической действительности, создать ее в массовом масштабе немислимо, как немислимо доменную печь растопить пудом угля.

Реальные условия тяжелой экономической действительности, как результат экономического обнищания страны, не только ставили и ставят определенные границы для широких и углубленных планов культурно-строительных устремлений, но и настоятельно требуют сжатия очередных скромных планов.

* * *

Политическая свобода до бесконечности расширила горизонты социального воспитания. Открылось безграничное поле деятельности для инициативы и творчества. „Политика“ перестала быть тормазом в деле развития народного просвещения, ибо хозяином положения является рабочий класс. С 1917 г. народы Туркестана вступили в светлую эру своей жизни, порывая со всем темным наследием прошлого. Революция выдвинула перед новыми строителями жизни грандиозные задачи переустройства всей школьной системы на новых началах.

Школьное строительство в Туркестане с его многовековой своеобразной, но в то же время чрезвычайно отсталой культурой, при пестроте бытовых, этнографических и географических условий—дело чрезвычайной сложности. Работа эта для своего теоретического и практического осуществления требует большой вдумчивости и осторожных подходов. Практическое осуществление таких элементарных основ новой школы, как совместное обучение, вопрос о так называемом законе божьем, в значительной мере легко разрешенные для русской школы, в отношении коренной школы являются труднейшими проблемами. Даже преподавание на материнском языке зачастую на практике встречает затруднение, вследствие отсутствия работников даже средней педагогической квалификации для туземных школ.

„Старая школа—говорится в декларации о социалистической школе, принятой 1-м Всероссийским съездом учителей—интернационалистов—была всегда националистической. Новая школа, с преподаванием на родном языке и углублением познания родной физической и социальной среды, должна быть интернациональной по содержанию, по принципам и методам“

Согласование национальных черт с интернациональным содержанием школьного строительства—далеко нелегкое дело.

Резкий переход от тенденциозной руссификаторской школьной политики к политике безграничной свободы в области школьного строительства, не дал возможности начать работу с первых же шагов новой деятельности по строго определенному и обдуманному плану. В своих искренних стремлениях достичь скорейшего осуществления идеала, первые реализаторы новой школы в Туркестане не считались с условиями живой конкретной действительности: пытались осу-

пествить немедленно всю колоссальную массу требований, предъявляемых жизнью.

Трудящиеся массы Туркестана, провозгласив власть Советов, естественно, не могли удовлетвориться скудным наследством, доставшимся им от царизма в области просвещения. Началось лихорадочное школьное строительство, принявшее, однако, стихийный, подчас хаотический характер.

В силу естественного хода революций, местные государственные и общественные организации долгий период вели вполне самостоятельную работу в области социального воспитания. Н. К. П., вследствие долгой изолированности Туркестана, окруженного со всех сторон военными фронтами, в течение долгого времени не имел связи с центром. Он самостоятельно нащупывал идейные и практические формы нового школьного строительства.

В процессе искания новых путей, новых образовательных и воспитательных форм, эксперимент сменялся экспериментом без достаточной выдержанности и всестороннего исследования. При таких условиях, естественно, авторитет НКП был не велик. Руководящая и направляющая роль его была слишком слаба. Работа в Туркестане при отсутствии достаточной связи с периферией, при отсутствии взаимной информации, планового и устойчивого руководства носила долгое время случайный характер. Впоследствии, связавшись с центром, НКП надолго стал на путь слепого подражания центру; вся работа была направлена на неукоснительно точное воспроизведение центральных организационных форм, не учитывая местных особенностей.

В этот период нового школьного строительства „места“ делали свое дело в стороне от центра, совершенно не интересуясь его жизнью, его целями и задачами. Эта „автономность“ и „независимость“ мест имеет свои положительные и отрицательные стороны. Местное творчество, хотя и носило в общем и целом кустарный характер, все же имеет и свои положительные черты. Мешал лишь узкий местнический кругозор, не желавший считаться с общегосударственными интересами, выставляя на первый план лишь интересы своего угла.

Количественный рост школьного строительства в первые три года революционного движения безостановочно и интенсивно повышался, не сообразуясь с наличием материальных предпосылок, денежных средств, помещений и культурных сил.

Школы росли количественно. Учет их был до крайности слаб: о возникающих школах не только центральный аппарат, в лице Туркнаркомпроса, не имел ясного представления, но и местные органы зачастую не имели точных списков школ, находящихся в их ведении. Отсутствие точного статистического учета, равно как и учета наличных средств и возможностей, привело к крайней спутанности школьного строительства. Вместо урегулирования сообразно «силам и средствам» стихийно раскачавшегося маятника количественного школостроительства, центр, в свою очередь, усиливал его размах. Обязательное, всеобщее и бесплатное обучение не только через школу 1-й ст., но и школу 2-й ступени казалось легко осуществимым делом в ближайшие 2—3 года.

Переход от мечты к действительности наступил не скоро. Только в 20 году, после перехода от децентрализованного управления к централизованной организации органов власти, Наркомпросу, путем ликвидации «самостоятельности» местных органов, удалось приступить к частичному урегулированию школьного

строительства. Однако, и в последующий длительный период количественное состояние школьной сети оставалось далеко не выявленным. Вплоть до последнего времени Наркомпрос располагал крайне скудными и неустойчивыми статистическими данными, что являлось большой помехой в процессе работ по народному просвещению, ибо статистика—необходимое условие всякой плановой работы.

Статистическое недомогание НКП еще не изжито в окончательной форме и по настоящее время. Но процесс оздоровления идет быстрыми шагами. Еще один небольшой переход, и идеал точной статистики будет достигнут. Эпоха «статистики с потолка» отошла в область преданий.

Задача реального обоснования системы воспитания на трудовых началах и реального осуществления лозунга всеобщего обучения, непомерно громадная и сложная сама по себе, усложняется отсутствием «людей и денег».

Новая свободная школа—дело рук учащихся. Этих-то рук у нас до обидного мало. «Заготовка» новой учительской армии требует колоссальных материальных средств при не малой затрате труда и времени.

«Перевоспитание» существующих учительских кадров, хотя бы в смысле даже повышения их образовательного уровня,—необходимейшая предпосылка в процессе создания новой школы. Степень достижения и прочности всех завоеваний в работе по созданию Единой Трудовой Школы — в значительной мере зависит от степени подготовленности учительской армии. Учитель—„движущая сила школы“, ее координирующая и направляющая сила. Только хорошо подготовленные работники, осознавшие сущность трудовой школы, могут обеспечить успех просвещения.

С другой стороны—школьное строительство требовало и требует твердого общего организационного плана, базирующегося на строгом учете материальных возможностей и наличии культурных сил. Нельзя вести войну без солдат. Нельзя строить школу без учителя. Этих предпосылок не учли в достаточной мере, когда в порыве революционного энтузиазма пытались отстроить здание новой учебно-воспитательной системы чуть ли не в один строительный сезон. Растерянность учителя—массовика перед новизной нового школьного строительства и каскадом категорических и бесапелляционных требований—учить по новому, учить без учебников, проводить «трудовые процессы»,—принята была за саботаж, за безнадежную косность. Учительство в массе отстало, мало развито, но далеко не одна только его вина в этом. «Педагог-футляр» исчезает. «Остров мертвых» (старая школа), «обитаемый безжизненными человечками в футляре»²⁾ залит волнами революционного моря общественной жизни. Сама жизнь вытряхивает педагога из многовекового футляра, ибо он больше не раб чужих предначертаний. Жизнь зовет его к новому строительству, и он уже частично приступил к работе. Теперь необходимо не только одно «понукание» к выполнению трудных «уроков», имевшее место в первый период строительства и усматривавшее в невыполнении «урока» один лишь голый саботаж, безнадежную рутинность, а в некоторых случаях и контрреволюционность. Наше туркестанское учительство в своей массе, пополняемой в прежнее время «неуживчивым» элементом из центральных районов, никогда не было реакционно настроено против новой школьной реформы. В худшем слу-

²⁾ Левитин. — Трудовая школа.

чае оно было лишь нейтрально, поскольку его „головка“ путалась в дебрях синдикалистской концепции — „переход воспитания в руки учительства, сосредоточение культурно-производительной функции в руках не государства, а учительской корпорации.“ (Шапиро. „Профес. объединение работников просвещ.“ в журнале „Народное Просвещение“ № 6—7 за 1919 г.).

С легкой руки лево-эсеровской политики, всемерно стремившейся полорвать престиж Советской власти, к учительству был прикреплен ярлык саботажника и контр-революционера. Политика только — что сконструированного Наркомпроса, руководимая лево-эсером, надолго оторвала учительство от активной работы в области школьного строительства.

На духовный голод учительства не было обращено надлежащего внимания, Долгое время ничего кроме потока смутных циркулярных положений и раз'яснений о новой школе учительству не преподносилось.

Предпринятые паллиативные меры, в форме краткосрочных курсов, оказались далеко недостаточными.

Инструкторская работа в конечном итоге сводилась к нулю, ибо инструктора в большей своей массе были те же „алчущие и жаждущие“ живого слова о новой школе.

Духовный голод вскоре усилился Голодом материальным — вследствие недостаточной обеспеченности учителя, и возникшее на этой почве бегство учителей из школы сдерживалось системой «мобилизаций».

С другой стороны, интенсивный рост школьного строительства вызвал потребность в новых кадрах учителей. Подготовка велась путем краткосрочных подготовительных курсов. Намечались грандиозные задания, было стремление к количественному развертыванию работы, не считаясь с ее качественной стороной. Проводились «наборы» необходимого количества курсантов даже путем принудительной мобилизации. Творили в порядке революционной поспешности, по требованию мест, не считаясь с деловой возможностью, с результатами работы. Вот почему имели место случаи, когда тотчас же по окончании курсов слушатели *in corpore* избирали другие профессии. Указанные курсы — скороспелки дали во многих случаях отрицательный результат.

Создалась целая армия лиц для работы в школе, ничего общего с учительством не имеющая, ибо нельзя назвать учителем, да еще учителем «трудовой школы», человека, прошедшего курс 3—4 лет старой начальной школы и со «спутанными мозгами» от 3—4 месячного курсового натаскивания. Многие из этой армии, почувствовав на практике, а иногда и до практики, свою несостоятельность, вскоре разбрелись. Других пришлось впоследствии «чистить».

Все это, усугубляемое культурной отсталостью широких народных масс, тяжелым экономическим состоянием страны, внешними и внутренними фронтами, оторванностью центра от периферии, организационной неслаженностью, калейдоскопической сменой лиц и настроений, — не могло не действовать отрицательно и влиять на ход развития новой школьной системы.

Духовная нищета учительства далеко еще не изжита. Его духовный, а также материальный голод усиливается. К голодному и умственно истощенному учителю нельзя предъявлять больших и высоких требований.

Чем лучше обеспечить, чем сытнее напитать духовно, тем выше может быть требование, тем строже оценка работы.

Никогда не будет у нас красного учителя, если мы не вдохнем в старое учительство „душу живу“, ибо красный учитель — продукт работы старой школы, старого учителя. Если мы немедленно не подойдем вплотную к разрешению этой проблемы, то вскоре окажемся банкротами. На эту работу надо обратить серьезное внимание.

Широкий размах школьного строительства в количественном отношении, борьба из-за пайков и денег, оборудования и зданий, постоянное сдвигание и страивание школ, крайняя неустойчивость типов школ и разнообразие программ и других учреждений социального воспитания, зачастую ломавшихся в период учебного времени — заслоняло органическую работу. Массовая волна детей, хлынувшая в Туркестан из голодавшего Поволжья, вынудила со всей повелительностью момента перенести центр тяжести работ на их устройство, что еще более отдалило возможность заняться непосредственным углублением органической работы.

Как уже выше отмечено — инструктирование было поставлено чрезвычайно слабо, пополам с грехом удавалось лишь штопать организационные прорехи. Учебно-воспитательная часть оставалась и пока что еще остается вне всякого инструктирования. Контроль над учебно-воспитательной частью лишь за последнее время принимает определенные организационные формы. Отсутствие правильно-организованного контроля, его случайность — один из крупных недочетов недавнего прошлого.

Эпоха ломки старых устоев, эпоха „заоблачных высей“, грандиозных проектов, устремлений, стихийность и неслаженность, перемежающихся с „полным штилем“ деятельности НКП — затянулась на длительный промежуток времени, вплоть до второй половины 21 года. В эту эпоху были периоды, когда делались попытки направить работу по определенному руслу, но целый ряд объективных и субъективных причин и частая смена руководителей и организаторов сильно тому препятствовали.

Со второй половины 21 года деятельность НКП принимает строго плановой, деловой характер. Наступила эпоха „твердого бюджета“, твердой сети „твердых штатов“, НКП подобрался, сократился, подтянулся. Все переорганизовано, зафиксировано, подсчитано. Все сужено и сжато в количественном отношении в надежде на качественное улучшение оставшейся части. За указанный период НКП проделал колоссальную работу по упорядочению организационной стороны народного просвещения, преодолевая шаг за шагом неисчислимый ряд препятствий. Только тот, кто не знает или не желает знать условий, при которых НКП приходится вести воз просвещения, может делать выпады против него. Полоса твердого планового строительства совпала с полосой жесточайших материальных кризисов школы. Часть кризисов уже изжита с большим или меньшим изъясом для школьного дела. Переживаемый ныне глубокий материальный кризис играет решающее значение: после него наступит либо медленный, но устойчивый процесс организованного и углубленного нарастания на твердой реальной основе или же наступит процесс неизбежного угасания школьного строительства. Мы должны предотвратить наступление последнего процесса, что воз-

можно и осуществимо, но не при одной только активности НКП, а при дружных совместных усилиях всех заинтересованных сторон.

Заинтересованными являются все: и руководящая партия, и правительство, и профорганизации, и общество, и каждый отдельный гражданин.

* * *

Просвещение—необходимейший фактор социальной революции. Социальная революция, развертываясь все в новых и новых плоскостях, движется по трем путям. Линия революционной политической борьбы, линия боевого соревнования двух экономических систем,—старой капиталистической и новой социалистической, линия борьбы культур—буржуазной и пролетарской—единая система боевых действий рабочего класса на триедином фронте социальной революции.

Политика, экономика и просвещение, являясь взаимодействующими факторами в процессе борьбы за социализм, неразрывно связаны между собой, и отделять их друг от друга—нельзя, без ущерба для общего дела. „Борьба за преодоление культуры, за овладение и приспособление к задачам рабочего класса всей суммы знаний буржуазного общества“—важнейший момент социалистической работы переходного времени. И НЭП выдвинул эту задачу со всей остротой. Казалось бы, что просвещение должно стать важнейшим органом в сложной системе организма НЭП'а, в действительности—„третий фронт“—очередной—все еще так и остается третьим. Между тем ослаблять борьбу на этом фронте, отодвигать просвещение на задворки социальной революции—значит отодвигать коммунистическое строительство на неопределенно долгое время. Допустимо и даже неизбежно ослабление фронта просвещения в периоды военных бурь и гроз. Тогда все и вся для военного фронта. Но в периоды передышек это ослабление должно наверстываться, не взирая на все экономические тяготы, переживаемые государством, и какие бы жесткие меры не принимались по восстановлению и укреплению финансово-экономической жизни. Если постройка здания, моста, водопровода—может ожидать лучших времен, то просвещение ждать не может, ибо оно дело непосредственно жизненное. Его созидательный процесс не терпит перерывов или анабиотического состояния.

Просвещение—дело дорогое не только в эмблематическом, но и в прямом значении понятия „дорогой“, а потому осуществимо в широком масштабе лишь тогда, когда „казенный паек“ подкрепляется „пайком местным“. Примером тому служат страны с несравненно более мощным государственным бюджетом, нежели наша бьющаяся на первых порах в тисках финансово-экономического кризиса молодая, социалистическая Республика. Только при поддержке широких слоев общества, только при дружном усилии государства и общества можно создать прочную материальную базу для процветания и развития школьного дела.

Переходя к статистическому обзору достижений в школьном строительстве за истекший революционный период, необходимо заранее оговориться, что не-

достаточность и, притом, крайняя неустойчивость статистических данных за время с 1917 г. по 1921 г. включительно не позволяет восстановить с достаточной точностью цельной картины количественного роста школьной сети. Значительная часть имеющихся в архиве НКП статистических данных, особенно общих сводок, — далеко не соответствует фактической действительности и требует весьма тщательного анализа и проверки для применения их в качестве исторического материала.

При наличии крайне ограниченного времени для выполнения данной работы, широко задуманный первоначальный план поневоле пришлось с'узить до минимума и ограничиться схематичной обрисовкой как пройденных этапов развития школьного строительства, так и моментов настоящего, без широкой статистической иллюстрации. Выявленные статистические данные показывают, что период непрерывного роста школьного строительства заканчивается первой четвертью 21 г. С этого момента кривая графика роста неуклонно идет книзу; 19 и 20 г. г. — время наиболее интенсивного роста. Необходимо отметить, что одновременно с ростом школ шло интенсивное строительство целого ряда других учреждений социального воспитания, о многих из которых старая школьная система не имела и понятия. Такие типы учреждений, как детские дома, дома-колонии, встречавшиеся в прежней системе воспитания в виде уник, в новой системы стали массовым явлением. Усложнившаяся социальная жизнь вызвала необходимость организации таких специальных учреждений, как-коллектор-распределитель, реформаториум, институт социальной детской инспекции, комиссию по делам несовершеннолетних с целым штатом воспитателей — обследователей.

Широко развернулись учреждения дошкольного воспитания: детские сады, площадки, очаги, дошкольные дома.

„ Путь к новой школе лежит через дошкольное воспитание“. Дошкольное воспитание — фундамент Единой школы. При старой системе воспитания дошкольное дело было в загоне. Лишь Советская власть вызвала к жизни эту заброшенную отрасль социального воспитания. В области дошкольного воспитания нам не досталось наследства. Началось интенсивное восполнение пробела. К концу 20 года дошкольное строительство достигло значительных размеров, после чего началось неуклонное падение, вследствие прогрессирующей с'уженности материальной базы.

* * *

Нижеприводимые таблицы обрисовывают как наростание, так и с'ужение сети учреждений социального воспитания. Таблицы не отличаются исчерпывающей полнотой. Нет таких данных, как последовательное погодное указание количества учащихся, учащихся, не во всех таблицах указано количество классов или групп, в иных таблицах не показано количество учреждений того или иного типа. Часть из указанных пробелов возможно пополнить путем кропотливых изысканий в архивных данных центра, но для этого в данное время нет ни времени ни сил; другая часть — может быть выполнена лишь при получении необходимых данных из местных архивных источников.

Таблица № 1.

Сеть учреждений социального воспитания к 1 января 1917 г.

Типы учреждений	Число уч-реждений	Число учащихся	Примечание
Мужские средне-учебные заведения	11	3192	
Женские гимназии	14	4460	
Мариинское училище	1	242	
Высшие начальные училища	28	неизв.	
Начальные училища	576	неизв.	
Интернаты при русск.-туз. училищах	49	1470	
Интернаты при высш. нач. училищах	9	240	

Сведения заимствованы из архивных дел НКП за 1917 г. Необходимо заметить, что и весь нижеприводимый статистический материал заимствован из архивных документов НКП за период с 1917 по 1921 включительно и текущих дел за 1922 г.

Таблица № 2.

К концу 19^{17/18} уч. года на территории Туркестана, по данным, заимствованным из „Сметы по народному образованию в Т. С. Ф. Р. на 1918 г.,“ фактически функционировала следующая сеть учреждений социальн. воспитания:

Типы учреждений	Число уч-реждений	Число классов	Примечание
Мужских гимназий	12	102	
Женских гимназий	18	155	
Реальных училищ	4	27	
Коммерческих училищ	3	36	
Высших начальных училищ	39	неизв.	
Начальных училищ	992	1568	Из них в среднем: 300 однокомплектн., 300 двухкомплектн., 392 с четырьмя и более комплектами.

Данная таблица—опись наследства, полученного НКП в момент его организации (27/V 1918 г.).

В эту опись, очевидно не досмотру, не вошли интернаты, которые несомненно существовали, так как еще к 1-му января 1917 года их насчитывалось 58.

Из сопоставления данных таблиц № 1 и № 2 усматривается значительное увеличение сети за 1½ года, особенно выделяется рост высших начальных училищ (72%) и рост начальной школы (58%).

Заметен и рост средних учебных заведений.

По плану, утвержденному Совнаркомом 28 мая 1918 года, намечалось к открытию:

18 средних четырехклассных школ.

51 высшее начальное училище.

160 начальных школ, из них 100 двухкомплектных и 60 однокомплектных.

60 двухкомплектных туземных училищ.

Всего 289 учебных заведений при 656 классах.

Предполагалось выполнить эту программу в течении 19^{18/19} учеб. года. В архивных документах нет указаний на то, в какой мере осуществлена была намеченная программа.

По сведениям живой летописи НКП, в момент его организации была отпущена СНК очень крупная, по тогдашнему времени, сумма—около 90 миллионов рублей. Как использована была эта сумма, прямых указаний не имеется. Есть основание полагать, что значительная часть ее была затрачена на организацию вошедших тогда в моду и усиленно культивируемых народных университетов.

Дошкольное строительство в первые два года не имело, даже плановой схемы, дошкольные учреждения не фигурируют в общих сводках школьной сети, хотя—несомненно—начало им было уже положено в ту эпоху; так, еще 28/V 1918 г. на дошкольное воспитание был ассигнован 1 миллион руб.

Таблица № 3.

Сеть учреждений социального воспитания к 15 сентября 1919 года.

Области	Школы 1 и 2 ступени		Школы 3 ст.		Детские сады		Детские дома	Всего учреждений	Число учащихся
	Число школ	Число учащихся	Число школ	Число учреждений	Число садов	Число учащихся			
Сыр-Дарьинская	822	62013	17	5606	35	2142	Сведений нет	874	69761
Ферганская . . .	340	25131	10	2620	29	1979		379	29730
Самаркандская .	214	20447	2	725	14	927		230	22099
Семиреченская	521	30007	7	1162	24	1587		552	32756
Туркменская	С в е д е н и й				н е т			—	—
ИТОГО .	1897	137598	36	10113	102	6635	—	2035	154346

По данным таблиц, рост сети еще более усилился по сравнению с предыдущими периодами. Число начальных школ почти удвоилось. С 27/V 1918 г. по 15/X 19 г. (за 1½ г.) возникло 905 новых начальных школ, не считая Туркменской Области, которая в то время являлась театром военных действий.

Необходимо заметить, что в указанное в таблице число школ (1897) вошли и детские дома, именовавшиеся тогда школами-коммунами. Определить их количество, по имеющимся в распоряжении данным, не представляется возможным.

* * *

За рассматриваемый полугодовой период выделяется рост детских садов, из которых только часть падает на предыдущий первичный период дошкольного строительства.

Роста средних школ (школ 3 ст.) не наблюдается. По данным таблицы № 2 их насчитывается 37, по таблице № 3—36, так что в рассматриваемый период получился не прирост, а некоторое снижение, (—1). Таков получается результат, если не учитывать отсутствие сведений в таблице № 3 по Туркменской Области. При учете этого обстоятельства можно сказать, что прирост школ 3 ст. несомненно был, хотя и незначительный.

Таблица № 4.

Сеть учреждений социального воспитания к концу 1920 г. и в начале 1921 г.

О б л а с т и		Школ 1 ст.	Школ 2 ст.	Детских домов	Дошкольн. учреждений	Всего	Школьников	Технических служащих	Всего
Туркменская . . .	городск.	29	4						
	сельских	171	1	19	26	250	695	593	1288
Самаркандская . . .	городск.	110	5	21			578	274	
	сельских	95	—	—	10	241	194	93	1139
Ферганская . . .	городск.	110	5						
	сельских	96	—	28	19	260	850	400	1250
Аму-Дарьинская . . .	городск.	4	—				25	14	
	сельских	15	—	9	2	30	15	24	78
Сыр-Дар. (без Ташк.)	городск.	83	4	13	11	111	387		
	сельских	628	2	47	4	681	1436	811	2634
Нов. Гор. Ташкент . . .		51	9	23	21	104	486	192	678
Ст. Гор. Ташкент . . .		60	1	6	8	75	559	неизв.	559
Семиреченская . . .	городск.	570	14						
	сельских		—	37	22	651	2046	1008	3054
Итого . . .		2022	44	203	123	2403	7271	3409	10680

Диаграмма № 1.

Количество учащихся
1910—1915—1920 г. г.

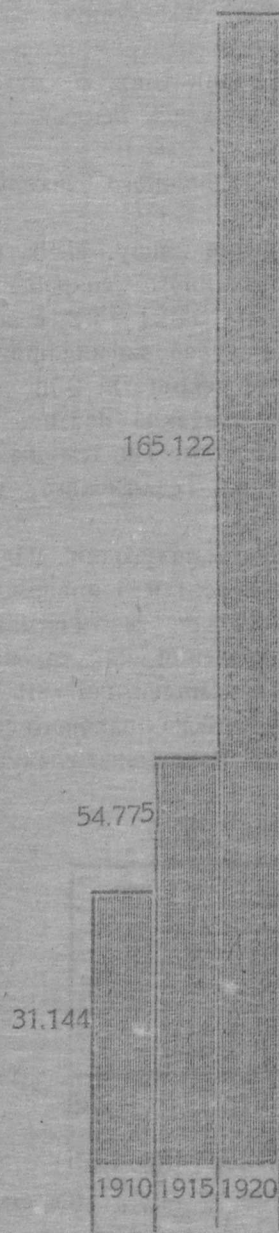

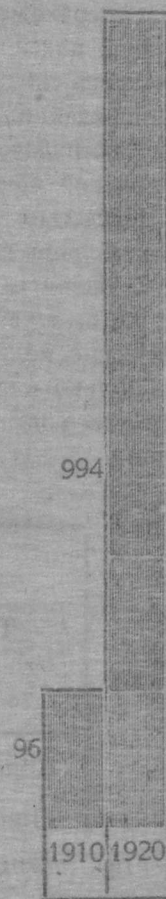
Диаграмма № 2.

Учащихся коренных
народностей
1910—1920 г. г.

Диаграмма № 3.

Учащихся коренных
народностей в школах
11-й ст. в 1910
и 1920 г. г.

За рассматриваемый период, с 15 сентября 1919 г. до первой четверти 21 г., наблюдается интенсивнейшее строительство во всех отраслях социального воспитания. Данные таблицы говорят сами за себя. Если сопоставить эти данные с данными таблицы № 1 (к 1 янв. 1917 г., начальному моменту революционной эпохи), то получим следующую картину нарастания сети: начальных школ³⁾ +1418, школ 2 ст +18, прочих учреждений +268, в число которых за отсутствием твердых статист. данных не вошли такие учреждения, как детские библиотеки, детские клубы, учреждения для морально-дефективных, школьные мастерские, учебно-вспомогательные кабинеты, детские столовые, школьно-театральные коллективы.

Кроме того, сюда не вошло много школ „самостоятельно“ возникших за рассматриваемый период, которые не зафиксированы не только центром, но и местными органами НКП; таковы школы при некоторых предприятиях, в отдаленных сельских местностях, которые еще в то время содержались исключительно на местные средства.

Все это свидетельствует о широком размахе революционного школьного строительства.

С весны 21 г. рост приостановился, и началось падение книзу. Из-за недостатка материальных средств наступила сначала эпоха стихийного „сокращения“, которое приняло организованный характер лишь к началу 1921—22 учебного года. С переходом с 1 декабря 21 г. сельских школ на самообложение произошло резкое падение сети сельских школ в тех местах, где декрет № 256 оставался лишь на бумаге. Усиление басмачества в Фергане повлекло почти к полной ликвидации сельской школьной сети в указанной области. По тем же причинам пострадала сеть уездов Самаркандской области и Тедженского уезда Туркменской области.

Вследствие спутанности статистических данных второго полугодия 21 года затруднительно воспроизвести цельную картину состояния сети к 1 января 1922 года. С большим трудом была выявлена лишь так называемая фактическая типовая сеть, т. е. учтено не фактическое количество учреждений, как таковых, а фактическое количество классов и групп, иначе говоря—комплектная сеть.

Сколько к 1 января 1922 г. и после произведенного первого планового сокращения всего по краю насчитывалось типовых учреждений, показывает следующая таблица.

Таблица № 5.

Типовых учреждений	к 1 января 1922 г.		к 1 мая 1922 г.	
	Количество типов	Количество групп или классов	Количество типов	Количество групп или классов
Школ I ступени	535	2140	317	1268
Школ II ступени	46	138	36	144

³⁾ При сопоставлении— взята общая цифра школ (нач. и в-нач.) за 1917 г. (См. след. стр.)

Детских домов	381	762	162	324
Детских общежит.			131	262
Детских садов	99 $\frac{1}{2}$	299	42	126
Детских очагов	8	24	18	54
Детских дошк. домов	34 $\frac{1}{2}$	103	25	75
Домов—колоний	4	12	4	12
Коллекторов	2 $\frac{2}{3}$	8	2 $\frac{2}{3}$	8
Комиссий по делам несовершеннолет.	8	—	6	—
Социальн. Д. Инсп.	50	—	31	—
Детских библиот.	неизв.	—	5	—
Прочих учреждений	8+неизв.	—	7	—
Сельских школ	704	2816	176	704

После непосредственного установления на местах твердой сети (с мая по сентябрь) выявилась почти с абсолютной точностью фактически функционирующая сеть учреждений социального воспитания, воспроизводимая в нижеследующей таблице.

Таблица № 6.

Твердая сеть учреждений социального воспитания, установленная в мае 1922 г.

Название областей	Школ I ст.		Сельск. школ		Школ II ст.		Дет. домов и общит.		Учрежд. для мор.-деф.		Дошк. и учрежд.		Комиссий по делам несоверш.		Соц. Дет. Инсп.		Дет. библ.		Ош. дошк. школы		Проч. учреждения	
	Число школ	Число клас.	Число клас.	Число клас.	Число домов	Число групп	Чис. учрежд.	Число групп	Чис. учрежд.	Чис. учрежд.	Чис. учрежд.	Число групп	Чис. учрежд.	Чис. учрежд.	Чис. учрежд.	Чис. учрежд.	Чис. учрежд.	Чис. учрежд.	Чис. учрежд.	Чис. учрежд.	Чис. учрежд.	Чис. учрежд.
Туркменская	24	88	133	2	8	35	78	1	2	7	19	1	3	1	—	—	—	—	—	—	—	—
Самаркандская	49	158	328	2	6	23	76	1	2	7	26	1	4	1	—	—	—	—	—	—	—	—
Ферганская	51	200	48	3	8	19	48	1	3	3	9	1	3	1	—	—	—	—	—	—	—	—
Сыр-Дарьинская	78	294	1364	7	20	118	212	4	10	27	76	1	18	1	3	4	—	—	—	—	—	—
Аму-Дарьинская	2	13	16	—	—	4	8	—	—	1	3	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Семиреченская	29	130	1008	4	15	20	64	2	5	11	30	2	3	1	—	—	—	—	—	—	—	—
Учрежд. союза горнораб.	20	48	—	—	—	2	10	—	—	2	2	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Ж. Д. учрежд. соц. воспит.	—	361	—	—	—	12	34	—	—	13	39	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
ИТОГО	—	1292	2897	—	—	233	530	9	22	71	204	6	31	5	8	5	—	—	—	—	—	—

В приведенной таблице не вполне выявленными являются статистические данные относительно сельских школ. Возможно было указать общее количество классов, но не само количество учреждений. Определение количества классов выведено на основе имеющейся довольно точной цифры числа школьных работников в сельских местностях.

Не вполне выявленными являются статданные учреждений в полосе ж. д. отчуждения, так как о них имеются лишь сведения типового характера. Правда, имеется и фактическое распределение ж. д. типовой сети, но, к сожалению, неполное (отсутствуют сведения в пределах Сыр-Дарьинской области), что не позволило включить их в воспроизведенную сетку.

Таблица № 7

**Сетка учреждений социального воспитания, содержащихся за счет
государства с 1 октября 1922 г.**

Название об- ластей	Школ I ст.		Сел. школ	Дет. домов и общежит.		Дошкольн. учреждений		Учреждений для мор-деф.		Комисс. по делам несовершеннолет.		Соц. дет. инст.	Дет. библиотек	Опыт. показ шк.	Прочих учрежден.
	Число шк л	Число классов	Число классов	Число до- мов	Число групп	Число учреждений	Чис. групп	Число учреждений	Число групп	Число учреждений	Число групп				
Туркмен. . .	12	39	31	23	52	3	9	1	2	1	3	1	—	—	—
Самарканд. . .	38	118	61	8	30	3	9	1	2	1	4	1	—	—	—
Ферганская . .	45	170	16	13	30	3	9	1	3	1	3	1	—	—	—
Сыр-Дар. . .	65	231	240	62	121	11	31	4	10	1	18	1	3	3	3
Аму-Дар. . .	2	13	4	4	8	1	3	—	—	—	—	—	—	—	—
Семиреченс. .	21	92	191	13	41	7	21	2	5	2	3	1	—	—	1
Учрежд. союза горнорабочих	9	19	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Ж д. учреж. соц. восп,		150	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Итого		832	543	123	282	28	82	9	22	6	31	5	3	4	4

Таблица № 7 (и № 8) показывают статистич. данные перегруппировки, установленной с 1 мая с. г., твердой сети, в связи с постановлением ВЦИК о разграничении государственных и местных средств на нужды социального воспитания.

Отсутствие данных относительно учреждений, перешедших целиком на содержание за счет местных средств (есть лишь частичные сведения), не позволяет с исчерпывающей полнотой обрисовать в цифрах цельной картины состояния сети учреждений социального воспитания в данный момент.

Таблица № 8

Сетка учреждений социального воспитания, содержание коих с 1 октября 1922 года отнесено на местные средства.

Название областей	Школ I ст.		Сед. школ	Школ II ступени		Дет. домов и общежит.		Учрежд. для мор-деф.		Дошк. учрежд.		Соц. Д. инсп.	Комис. по делам несовершеннолет.	Дет. библиотек	Оп. показ. школ	Проч. учрежден.
	Чис. школ.	Чис. класс.	Число классов	Чис. школ	Чис. класс.	Чис. домов,	Число групп	Число учреждений	Чис. групп	Число учреждений	Чис. групп					
Туркменской...	12	49	102	2	8	12	26	—	—	4	10	—	—	—	—	—
Самаркандской...	11	40	267	2	6	15	46	—	—	4	17	—	—	—	—	—
Ферганской...	6	30	32	3	8	6	18	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Сыр-Дарьин...	13	63	1124	7	20	56	91	—	—	16	45	—	—	—	—	1
Аму-Дарьин...	—	—	12	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Семиреченской...	8	33	717	4	15	7	23	—	—	4	9	—	—	—	—	—
Учрежден. союза горнорабочих...	11	29	—	—	—	2	10	—	—	2	2	—	—	—	—	—
Ж. д. учрежден. соц. восп.	?	211	—	?	?	12	34	—	—	39	39	—	—	—	—	—
Итого...		460	2354			110	248	—	—	69	122	—	—	—	—	1

Заканчивая краткий очерк статистического обозрения сети учреждений социального воспитания за пять лет революционного строительства и сопоставляя статистические данные последнего времени с полученным „наследством“, придется отметить, что несмотря на резкие колебания, на резкое падение за последнее время школьной сети книзу в силу планового и стихийного „сокращения“, школьное строительство за время революции сделало значительный шаг вперед.

И не только в области количественного роста сделан шаг вперед. Несмотря на целый ряд построений и объективных условий и в строительстве внутренней органической стороны сделаны крупные завоевания.

Ожидать гладкого течения строительства новой школьной системы было бы с нашей стороны величайшей утопией. Невозможно, чтобы все было ровно и гладко, шло так, как заранее предназначено. И на упрек: „вы разрушили старую школу, а где же ваша новая школа? что вы сделали?“—мы должны сказать:—Сейчас, одним взмахом, мы не могли и не можем ее построить. Но мы на верных путях к ней. На этих путях нужно сделать еще не мало шагов. Путь еще не пройден и не окончательно расчищен. Для того, чтобы на развалинах старого расцвела и распустилась пышным цветом новая школа—необходимы время и упорная контактная работа всех живых сил страны. Необходимо окончательно вытравить дух старой школьной системы, внедрить основы новой и тем самым—открыть свободно-достижимый путь к идеалу.

П. Сербоз.

Киргизские школы.

I.

Широкая, беспредельно раскинутая вольная степь и кочевой образ жизни наложили особый отпечаток на все стороны жизни киргизского народа. Свободолюбивый, необыкновенно храбрый, киргиз со времени перехода в русское подданство начинает постепенно утрачивать эти основные черты; замечается склонность к спокойной жизни, после многовековых стычек со своими соседями. Неоднократные восстания, как против своих ханов (которые из-за личных выгод, из-за власти, своими интригами способствовали ослаблению киргиз, могущество которых достигло своего апогея при хане Тауке), так и против русской власти, свидетельствуют о гордости и любви к свободе этого народа. Благодаря тому, что киргиз передвигался из одного места в другое и не имел постоянного пристанища, не было у этого народа и центра, где можно было бы накапливать культурные ценности; благодаря той же причине, долгое время среди киргиз не было совершенно школ.

Еще в середине 18 века Тевкелев, в донесении своем к имп. Елизавете Петровне, упоминает о необходимости открытия школ и постройки мечетей, дабы этими мероприятиями способствовать „успокоению буйных киргиз“. Также имеются сведения, что петербургским правительством были отпущены большие средства на школы и на мечети; однако, можно допустить, что все эти планы остались на бумаге.

Долгое время, до и после формального присоединения к России, у киргиз не было школ, и распространителями просвещения чисто религиозного характера являлись ходячие муллы из татар, башкир, бухарцев и пр., которые нанимались состоятельными киргизами и обучали грамоте детей их. Но и эти ходячие муллы являлись редкостью, так как русское правительство опасалось влияния татар и других мусульманских народностей на киргиз. Характерно то, что хан Нурали (Малой Орды) был настолько малограмотен, что его собственноручное послание к начальнику Оренбургской пограничной комиссии переводчик не в состоянии был разобрать.

Если дети ханов и высших влиятельных киргиз были малограмотными, а в большинстве случаев и совершенно неграмотными, то это обстоятельство является достаточным указанием на редкость даже ходячих мулл. Однако, у русского правительства в этот период была тенденция прикрепить киргиз к земле постройкой мечетей и приглашением мулл, чтобы этим путем «укротить буйный нрав их». Но все эти мероприятия не имели успеха даже среди ханских приближенных. Только после окончательного присоединения киргизского народа к России, последовавшего в 70 годах 19 века, начинает мало-по-малу проникать в степь учение, — сперва чисто религиозного характера. Обыкновенно распространителями такого учения являлись муллы из киргиз, получившие образование в медресе Бухары, Хивы, Каргалы и Стерли-Тамака; но и такие лица считывались единицами. Собственно, мектебов в степи не было, если не считать су-

ществовавших среди кочевников, так называемых, передвижных мектебов. Отдельные аулы или родовые поколения, связанные общими „летовочными“ местами, отводили особую кибитку под школу, где мулла, кочуя вместе с аулом, обучал детей грамоте. В полуоседлых же местах обучение производилось при мечетях или в частной землянке киргиза. Учение начиналось в конце осени, когда киргизы со своим скотом прикочевывали к зимовке с летних пастбищ, и оканчивалась с наступлением первых весенних дней. Число учащихся было весьма разнообразно, смотря по количеству зимовок: были ли они расположены густо или отдельными хуторами. В последнем случае грамоте обучались дети того, кто приглашал муллу; при этом мулла находился в большой зависимости от пригласившего его лица и не смел наказывать детей его, хотя, в виде угрозы, имел при себе несколько длинных лоз. В тех случаях, когда муллу приглашали киргизы одного аула или родового отделения, число учащихся достигало 10-ти, самое большее 15-ти человек.

Учение начиналось с заучивания арабских букв. Мулла раздавал четвертушки бумаги, на которой написаны были от руки все 32 арабские буквы; эта бумага прикреплялась к палочке, и ученик заучивал буквы. На заучивание букв требовалось около 2 месяцев. Так как все дети были приходящими, то занятия происходили с утра до вечера, с перерывом в полдень. Вечером, дома, ученики заучивали то, что говорил им мулла. Занятия происходили во все дни, кроме пятницы и праздников Курбан-Тайт и Рамазан-Тайт. Каждую субботу ученики приносили мулле подарок деньгами или натурой, что называлось „жумалык“. Жалованье муллы не получал, а платили ему зекет, фитр и гушур (религиозные налоги со скота и имущества). В течении зимы ученики, кроме 32-х букв, проходили „Иман-шарт“, который включает в себе „Абжад“ („Иман-шарт“—это краткие правила религиозных обрядов (намазов) и условия уверования в Аллаха). В течении второй зимы, ученики занимались изучением „Хафтияка“, после чего переходили к чтению Корана. После Корана читали под названием „Тюрки“ книги: „Бақырган“, „Суфалдияр“ и др. Во многих случаях учение грамоте этим и заканчивалось. Что касается учения при мечетях, то там, кроме перечисленного, проходили: „Крысхадыс, Шуритсала, Фих-сайдани“, и дальше этих книг не учили, так как сами преподаватели, в большинстве случаев, большими знаниями не обладали.

Заканчивая краткий обзор проникновения учения в киргизскую массу, необходимо указать, что наряду с малограмотными муллами и единичными случаями обучения детей при мечетях, существовали русско-туземные школы, которые в некоторых районах Киргизии имели громадное значение в деле распространения просвещения и сближения киргизской массы с европейской культурой. Разумеется, что эти школы в стени были открыты царским правительством с целью русификации киргиз. Были даже открыты специальные миссионерские школы, которые, однако, не оправдали надежд царского правительства. Еще в 1860 году генерал-губернатор Самарской и Оренбургской губ. Катенин доносил Петербургу, что „киргизы имеют большое влечение к просвещению, с какой целью посылают своих детей в Бухару и др. города“, и что „образование, даваемое в магометанских училищах и мечетях, обращается в изучении тонкостей магометанского закона; чем более киргиз знакомится с религиозными учениями, тем более в нем развивается фанатизм и презрение ко всему не мусульманскому“.

Для противодействия этому Катенин просил открыть несколько школ в некоторых пунктах, например, в Перовском форте, и в форте № 1 (Казалинск). Этот проект был утвержден правительством, после чего приступили к постройке школ в стени. Нужно заметить, что царское правительство к открытию школ для киргиз степных областей приступило еще раньше: так, при Оренбургской пограничной комиссии в 1844 году была открыта киргизская школа на 30 человек, целью которой была подготовка из киргиз канцелярских служащих, сообразно с чем в этой школе преподавались: а) русский язык, в) арифметика и способ счисления на счетах, с) татарский язык, д) магометанский закон и е) составление деловых бумаг на

русском языке. В школу поступали киргизские дети в возрасте от 8 до 12-ти лет, учение продолжалось 6—7 лет. Кроме того, киргизы могли отдавать своих детей в Неплюевское училище, учрежденное в том же Оренбурге в 1824 году. Чтобы привлечь киргизских детей в это училище, пограничной комиссии предложено было выдавать похвальные листы родителям учеников, если только дети их до окончания не покинут училища. Впоследствии в самой степи были открыты одноклассные и двухклассные школы, куда принимались дети киргиз без различия происхождения.

В отношении просвещения киргизы степных областей опередили своих сородичей туркестанцев: много среди них людей с высшим образованием, также много и народных учителей. Объясняется это тем, что киргизы степных областей, менее зараженные фанатизмом, охотнее отдавали своих детей учиться; с другой стороны, население этих областей, находясь ближе к России, мало испытало тот нестерпимый для национального самосознания колонизаторский режим, который был установлен Туркестанским генерал-губернатором.

В общей массе киргизы, среди других тюркских народностей, отличаются красноречием, способностью ясно, кратко излагать свою мысль, притом ритмически. Не удивительно поэтому, что киргизская народная поэзия, очень богатая, из поколения в поколение передавалась специальными певцами, которые являлись всюду желанными гостями, песни которых слушались с большим вниманием.

Вот эти-то певцы народные более чем кто либо другой, способствовали развитию у киргиз любви к искусству, и им же, этим певцам, в значительной степени обязаны киргизы тем, что не забыли обычаев старины, не променяли адат на шариат и не поддались руссификаторской политике царского правительства; и благодаря этим же певцам, фанатизм, являющийся тормазом для проникновения знания в народную массу, не успел пустить глубокие корни в киргизской среде.

II.

Революция 1905 года поколебала старые устои жизни и дала толчок в смысле распространения образования в среде тюркских народностей. В особенности эта революция пробудила от вековой спячки татарский народ. Были открыты медресе: „Хусайние“, „Галия“, „Расулия“ и многие другие. Жаждающие знания киргизы, за неимением своих мектебов и медресе, стали поступать в татарские, где обучение грамоте производилось по новому методу (Усуль-Жадид). Питомцы этих медресе в каникулярное время выезжали в степь на заработки. По старой традиции зажиточные киргизы или отдельные аулы приглашали учеников медресе для обучения детей их грамоте по новому методу. За лето, в течение 3—4 месяцев, дети усваивали азбуку, чтение, письмо, сложение и вычитание в пределах ста, умножение и деление в пределах двадцати. Вполне понятно, что преимущество нового метода преподавания перед старым было всем ясно, и киргизы охотно приглашали к себе мусалимов (учителей). Такой успех новометодного обучения грамоте возбудил недовольство мулл, и они стали враждебно относиться к ревнителям просвещения нового направления. Тем не менее, в степи не было ожесточенной борьбы между защитниками старого схоластического учения и приверженцами нового течения.

Главным препятствием к распространению новометодных мектебов было не враждебное отношение отдельных мулл, а отношение правительства, которое не давало разрешения на открытие их. Поэтому в степи эти мектебы открывались по инициативе отдельных лиц, без ведома начальства, и содержались на средства частных лиц. Конечно, при таких условиях, новометодные мектебы не могли получить широкого распространения, и наиболее отдаленные от культурных центров аулы киргизов лишены были культурного влияния. Приблизительно в этих же годах отмечается сильная тяга киргизской молодежи в

Константинополь, Каир, Мекку и Медину для продолжения образования и усовершенствования своих знаний.

III.

В таком положении застала киргиз Октябрьская революция, прокатившаяся широкой волной по беспредельной степи. Много говорилось о ликвидации неграмотности, о вовлечении в строительство жизни киргизов; много создавалось проектов об открытии школ в самых отдаленных, глухих аулах, много создавалось краткосрочных курсов по подготовке учителей, много тратилось бумаги на составление планов и смет,—но все это, благодаря полному незнанию своеобразного, вольного, чисто степного уклада жизни киргиза и неумелому подходу, оставалось лишь на бумаге и ничего не дало, да и не могло дать подростающему поколению степного населения. Двух и трехмесячные краткосрочные педагогические курсы выпускали полуграмотных учителей, которые не имели никакого авторитета в глазах населения; киргизы боялись доверить им обучение своих детей, и под разными предлогами не отдавали их в школу. Кроме того, отсутствие подходящего помещения под школу, оборудования, отсутствие каких либо учебных принадлежностей и учебников—не могло создать благоприятных условий для укрепления новой школы. Не малую роль играла также материальная необеспеченность степных учителей: были случаи, когда по несколько месяцев подряд не получая жалованья, учителя предпочитали либо заниматься хозяйством, либо служить в других учреждениях, где оплата труда производилась аккуратно и своевременно. Так же не был выработан, применительно к степной жизни, тип школы, а стремились привить полукочевому киргизскому населению трудовую школу по прописям Москвы.

Ясно, что такая школа, не успев расцвести, уже умирала, укрепляя в сознании кочевника недоброжелательное отношение к ней. В то же время те мектебы, которые все же обслуживали некоторую часть киргиз, были закрыты, как учреждения не государственного, а частного характера. Между тем, проснувшаяся жажда к учению, жажда знаний, ничем неудовлетворенная, заставляла киргиза посылать своих детей в город. Так как далеко не каждый киргиз в состоянии отправить и содержать своего ребенка в городе,—то вопрос о создании школы, применительно ко всем сторонам степной жизни, по-прежнему стоит во всей своей остроте и настоятельно требует своего решения.

Так обстоит дело в далеких, глухих уголках степного края. Иную картину видим мы в городах, как напр. в Чимкенте, где в 1920 году был открыт Педагогический Киргизский Техникум и, особенно, здесь, в центре. С первых же дней Октябрьской революции в Ташкенте было открыто Киргизское Педагогическое Училище, которое существовало два года и затем в 1920 году в сентябре месяце было преобразовано в Киргизский Институт Народного Просвещения. Задачей Инпроса является подготовка высококвалифицированных школьных, дошкольных и внешкольных работников. Продолжительность курса в Кирипросе—4 года. В виду отсутствия вполне подготовленных слушателей из киргизской молодежи для поступления на основные курсы Инпроса, при нем имеются подготовительные курсы, состоящие из трех групп: младшей, средней и старшей. В настоящее время из основных имеются три класса, так что в 1923/24 учебном году состоится первый выпуск молодых учителей, которые явятся предвестниками грядущей эры науки и знания. Огромный приток киргизской молодежи в Инпрос свидетельствует о стремлении их к знанию и науке. Однако, материальные ресурсы Наркомпроса не позволяют Инпросу развернуть свою работу так, как того властно требует жизнь, и в настоящее время в Кирипросе, вместе с опытно-показательной школой и подготовительными курсами, находится всего лишь около 200 человек.

В контакте с Кирипросом работает Киргизская Научная Комиссия, созданная в 1920 году. Комиссия эта занята изучением этнографии, народной литературы и языка киргизов, установлением научной терминологии, созданием учебной литературы на киргизском языке, а также собиранием историко-этнографических материалов.

На эти-то два учреждения,—на Кирипроси на Научную Комиссию, обращены взоры киргиз с горных высот Семиречья, с берегов Сыр-Дарьи и далеких степей с твердой верой и надеждой, что недалек тот день, когда вся степь, освобожденная от векового царского гнета, рабства и унижения, покроется сетью культурно-просветительных учреждений.

К. Джаленов.

Туркменская школа *).

«Наша прежняя религия была шаманская,—это было давным-давно»...—Так начал свой легендарно-исторический рассказ 74-х летний старик, туркмен Баба Лякги, много видевший на своем веку, в течение своей долгой жизни.

И он, отчасти, прав. Что наши предки были шаманистами, об этом свидетельствуют еще до сих пор некоторые обычаи из туркменской жизни. Хотя бы обычай прыгать через огонь 14-го числа, вечером, месяца Меред (приблизительно совпадает с 9-м апреля 1923 г.). Этот обычай известен под названием «Шаман-Од», т. е. «огонь шамана». Еще двадцать лет тому назад с этим обычаем можно было встретиться почти повсеместно. Установить точные данные относительно шаманства, в виду отсутствия записей, довольно трудно. Устные же передачи пестрят многими противоречиями и подлежат еще глубокому научному анализу.

Наша цель—указать на влияние более близкой нам по времени религии—мусульманской, на создание и развитие учебного дела среди туркмен; указать, что дала туркменскому народу мусульманская религия и что она могла дать народу, находившемуся в своеобразных исторических, климатических и социальных условиях, слишком подвижному, кочующему—до самого последнего времени—народу, прошедшему длинный и опасный путь, пока не определил он своего постоянного местожительства.

Вероятно, несколько сот лет пришлось вести туркменам-кочевникам такую скитальческую жизнь по степям Туркестана. А так как для распространения и укрепления культурных начал—к каковым можно отнести и религию—необходима некоторая оседлость, то, естественно, что мусульманская религия весьма мало пробила в сознание туркменской массы. Механически усвоены были лишь самые элементарные правила этой религии,—и то некоторыми, наиболее предприимчивыми туркменами; большинство же механически запоминало на арабском языке фразу: «Нет бога, кроме единого бога—Мухаммед есть посланный им пророк». Что значит эта фраза на непонятном языке, ничего не говорящая ни уму, ни сердцу туркмена,—этим вопросом, конечно, никто не интересовался. Не говоря о прежнем времени,—даже и теперь можно встретить много туркмен, не знающих даже этой мудреной для них фразы (произнесением которой документируется принадлежность к исламу).

Естественно, что грамотность и школы были редкостью. По рассказам стариков, приблизительно лет восемьдесят тому назад, чтобы найти одного грамотного человека, нужно было объездить не менее пяти-шести аулов. Начальные школы существовали в крайне ограниченном количестве. Но и из учеников этих школ самое большее 10% могли научиться чтению и письму; большинство же через неделю,—некоторые через месяц, а наиболее «терпеливые» через год—уходили из школы. Что касается высшей школы «медрессе», столь обычных в Туркестане, то таких школ до 2-й половины 19-го века у туркмен и вовсе не было. Исключение составляют туркмены, живущие в пределах Бухарской республики,—в виду непосредственного влияния на них религиозного центра (Бухара). Там давно существовали медресе; были и учителя с достаточным и необходимым для этих школ схоластическим образованием. Несмотря на известное усвоение

*) Об узбекской школе см. № 1 журн. «Наука и Просвещение»: А. Шукуров—Мусульманские школы в Туркестане.

учениками предметов, преподаваемых в этих школах по общепринятым схоластическим программам, сами медресе, под влиянием этого традиционного для туркмен мусульманского центра «Бухары» в Туркмении, все же не успели превратиться, подобно бухарским, в стоячее болото, где не было ничего свежего, нового, ничего полезного,—где над каким либо грамматическим правилом арабского языка готовы были спорить три-четыре недели,—а таковы характерные особенности этой высшей «школы». За изъятием счастливых исключений, «студенты» после пятнадцатилетнего пребывания в бухарском медресе не могли по-арабски—главный предмет изучения—даже правильно читать и писать. Медресе в пределах Туркмении, в смысле приобретения учениками знания, были еще того хуже, но зато природная нравственная чистота в них сохранилась лучше, чем в бухарских медресе.

Во второй половине 19-го века в нескольких местностях Туркменской области появились подобные школы—медресе; число их, до начала нынешнего столетия, возросло до 15-ти. В настоящее время в Туркменской области насчитывается 35 медресе. Постановка учебного дела в них более, чем своеобразна: учащиеся больше заняты веселым времяпрепровождением, чем учебными занятиями. Наблюдались, например, такие явления. Один студент медресе поступил в школу достаточно грамотным. Спустя 3—4 года «занятий» он с удивлением должен был сознаться, что совершенно забыл читать и писать, и для овладения этой премудростью ему пришлось снова начинать с азбуки. Из этого видно, что три-четыре года можно было не взять книгу в руки, не учиться,—и в то же время числиться студентом медресе. Правда, в некоторых медресе было более или менее строго,—такие были исключением,—но и эти медресе, в конце концов, в смысле знания давали очень мало. Окончивших медресе едва ли будет человек 35, так как большинство учащихся через 10—12 лет вынуждено бывает по тем или иным причинам оставлять медресе. Большею частью из медресе выходят обыкновенные аульные муллы, умеющие по-мусульмански читать, писать, имеющие кое-какое представление об арабском языке, пропитанные духом фанатизма. Контингент студентов медресе образуется из окончивших начальную школу—mektebi, число которых постепенно росло, особенно после завоевания области русскими. Этому способствовали многие причины; кроме того, после завоевания воинственное настроение туркменского народа начинает понемногу падать. У оседлого кочевника образуется незаполненное время, и известный запас энергии ищет выхода: у одних она уходит на обработку земли (в это время, вероятно, и сложилась поговорка «ярагин пиль болосин ягин ер», т. е. «орудием должна быть лопатка, врачом земля»), у других энергия направляется на скотоводство, торговлю; отдельные личности—наиболее культурные—отдали свои силы на открытие школ. Таким образом, школы эти открывались на средства «баев», при поддержке всех аульных жителей. «Баи», отчасти, считали это дело даже своим долгом, и количество школ увеличилось, но качество—вследствие малой культурности их учредителей—оставалось все же невысоким. Другой причиной увеличения числа начальных школ являлась потребность в грамотных людях для исполнения должностей писарей, аульных старшин и др. Грамотные люди нужны были и торговцам для записывания торговых операций. На развитие грамотности и педагогических приемов имели влияние и муллы, прибегавшие, между прочим, к оригинальным способам и агитации: так, указывали на то, что ученик, к спине которого «прикасалась» палка учителя, избавляется от адского огня на том свете (в части соприкосновения). Каждый благочестивый туркмен, желая избавить своего сына от «адского огня» на том свете, и старался определить его в школу.

Установить статистические данные о начальных школах старого времени очень трудно,—почти невозможно.

Теперь необходимо вкратце проследить судьбу другого типа начальных школ, так называемых, русско-туземных, открытых царским правительством. Число их во всей Туркменской области не превышало двадцати. Они начали свое существование спустя несколько лет после завоевания Туркменской области. Возникает вопрос,—как же смотрело население на эти школы? С уверенностью можно сказать: безусловно враждебно,—и добровольно никто не хотел отдавать своих детей в эти школы. В свою

очередь, правительством приняты были меры к привлечению учеников: при школах были устроены интернаты, ученикам платили деньги (вначале). Последнее обстоятельство вызвало отправку в эти школы бездомных, заброшенных сирот. Правда, были ученики имеющие родителей: это были дети родителей без предассудков. Когда же увидели, что окончившие эти школы более приспособлены к новым условиям жизни, то прилив в школы стал довольно значительным. Никто уже не думал о получении денег—наоборот—готовы были сами платить и при удобном случае не отказывали учителям этих школ в подарках.

Действительно-ли царское правительство имело ввиду только просвещение темных туркменских масс? Конечно, нет. Нужно было только показать, что правительство старается просвещать отсталый народ; самое же главное—самому правительству нужны были в первую очередь грамотные по-русски переводчики. Поэтому удачнее было бы эти школы называть школами переводчиков, так как отсюда выходили типичные переводчики с «соответствующей» подготовкой. Да и они сами (ученики) в подавляющем большинстве своем имели ввиду быть именно переводчиками.

Возвращаясь к старо-методным школам, необходимо осветить некоторые стороны их существования.

Организаторами и учителями вышеуказанных медресе были лица, окончившие бухарские медресе. Устраивая медресе на своей родине, они, может быть, и имели ввиду просвещение своего народа в смысле распространения и укрепления мусульманской религии, но, к сожалению, часто наблюдалось, что они старались более всего быть популярными среди своего народа, устраивая этим лишь свое благополучие, приобретая все новые источники дохода. Этим можно объяснить значительную тигу в последние годы (особенно в связи с постройкой Средне-азиатской железной дороги) учащихся в Бухару. В 1918 г. число учащихся в Бухаре из Туркменской области доходило до 200.

Наблюдаемое почти во всем мусульманском мире двойное течение; т. е. «усуль джедидчи» и «усуль кадимми», т. е. новометодники и сторонники старого направления, не осталось без влияния и на туркменских учащихся. Постепенно выделяется небольшая группа, которая начинает интересоваться чтением газет и журналов, выписывает их, интересуется новыми течениями в общественной жизни и т. п. Не составляют исключения из общего реформистского течения, новая школа с самого начала своего существования получила название «усуль джедидчи», что было ярлыком, который приклеили к ней сторонники старого направления. Не ограничиваясь этим, старометодники начали вести против новометодных школ агитацию, не разбираясь, между прочим, в средствах. Несмотря на это, число сторонников новометодного преподавания все увеличивалось. Правда, группа новометодников была невелика и неорганизована, но у всех этих людей было общее стремление и общая задача. Начали в некоторых местах открываться школы домашнего характера, где преподавание велось по новому методу. Между прочим, знакомясь с преподаванием в русских школах, новаторы все более убеждались в преимуществе новометодного преподавания.

Правительство не оставалось простым наблюдателем и при помощи влиятельных «баев» и старшин стало поддерживать сторонников старо-методного направления. Организовано было из среды коренного населения наблюдение за новометодниками, что известно было очень немногим. Эта борьба, при поддержке еластей, продолжалась до 1917 г. В этом году — с одной стороны, благодаря свержению старого режима, с другой стороны, в связи с разразившимся в том же году в Туркменской области голодом, который заставил и духовенство искать другой кусок хлеба—дали новометодникам возможность свободно вздохнуть,—но это было не надолго. В 1918 г. в Полторацке организовывается белогвардейское правительство, т. е. «Закаспийское временное правительство», в котором не малое участие приняли и туркменские малоосознательные байские элементы; довольно сочувственно к нему отнеслось и духовенство и на новометодников об'является поход. После взятия Мерва был даже распространен слух, что после занятия Чарджуя все новометодники будут казнены. Взять Чарджуй белогвардейцам, однако, не удалось, и в мае 1919 г. они с

позором отступили из Мерва, а через несколько времени было ликвидировано и само Закаспийское временное правительство.

После восстановления в Мерве Соввласти, ею там были открыты краткосрочные педагогические курсы, приблизительно на 80 человек. В начале учебного сезона того же года в Мервском уезде открылись до 50 новых начальных школ. Немногим позднее в Полторацком уезде тоже открылось до 35 начальных школ. В остальных местностях Туркменской области школы начали открываться несколько позже. Учителям этих школ пришлось и приходится вести непрерывную борьбу против агитации пораженного духовенства. В 1920—21 гг. в Полторацке открылось педагогическое училище, а в Мерве—педагогический институт; число же начальных школ за последнее время сильно сократилось. Вместе с тем учебное дело было поставлено так слабо, что эти школы существовали, собственно, номинально. За исключением немногих, большинство фактически не функционировало. И все же повсеместное открытие новых начальных школ было первой победой культурно-просветительной работы среди темноты и фанатизма. Но результаты победы были еще настолько слабы, настолько необеспечены, что требовали громадной материальной и моральной поддержки. Это была еще стадия борьбы за существование, и об удовлетворительной постановке учебного дела в первый год существования школ не могло быть и речи. В последующие годы положение их должно было улучшиться. К сожалению, улучшения не наступало, а поддержка была настолько слаба, что не могла оказать сколько нибудь значительного влияния на улучшение школы. Между тем, враги были еще настолько сильны и многочисленны, что в дальнейшем можно было ожидать «наступления».

Фактически так оно и случилось. Подкрепленные бывшими колонизаторскими элементами, остатками царского чиновничества, слишком привыкшее к эксплуатации трудящегося коренного населения, еще пять лет назад называвшие туркмен «баравами», не мирящиеся с тем положением, что, благодаря существованию Советской власти, туркмены стали равноправными гражданами Туркестанской республики,—они подняли голову и пошли «в поход» против новой трудовой школы.

Правда, с оглядкой и незаметно, но при всяком удобном случае устраивается тормаз в деле просвещения туркменского народа. Можно привести много примеров, как в той или иной форме выявляется более чем отрицательное отношение этих «зубров» к туркменской школе, к просвещению туркменского народа,—причем действия их направляются в наиболее уязвимое место—материальную сторону. Положение усугубляется еще тем, что и вообще те средства, отпускаемые Туркменской области,—более чем скромны и не покрывают и 50% всей необходимости. Поэтому неудивительно, если школьное дело среди туркмен стоит в настоящее время на точке замерзания. Видя эти затруднения, некоторый застой,—старые враги новой школы, естественно, усиливают все более свою деятельность. Снова возобновляются занятия в старых медресе, снова открываются старые школы со старыми палочными приемами. В виду отдаленности Туркменской области от центра, борьба со старой школой, при отсутствии достаточного числа стойких, идейных руководителей, при тяжелых материальных условиях—крайне затруднительна; обстоятельства могут сложиться даже так, что все культурные завоевания советской власти под напором новых условий—могут свестись к минимуму, даже к нулю.

Больше внимания Украине Туркеспублики—туркменскому народу—вот чего требует грозная действительность.

Караханов.

Учебная литература на узбекском языке *)

Переворот, произведенный великой русской революцией в жизни узбекского народа, во многом напоминает Петровское время на Руси. Современное узбекское общество разрешает ряд таких задач, которые стояли и перед русскими на рубеже 17 и 18 столетий. Яркотканые ленивые халаты сменяются деловыми френчами; женщины начинают сбрасывать покрывала и выходить из затворничества; интеллигентная молодежь устремляется на Запад (в Москву, Петербург, в Германию). Ломка быта подгоняется, как и в России 18 века, сатирой в стихах и на сцене. Впервые создается светская школа. Арабская азбука и старые принципы орфографии приспособляются к живому турецкому языку, и только «священные» слова сохраняют прежние арабские начертания. (Вспомните введение при Петре «гражданского шрифта» вместо церковно-славянских букв). Наконец, для современного ташкентского и бухарского книгопечатанья, как и для петербургского и московского в 18 веке, любимым детищем является *учебник*.

Создать сегодня учебную литературу—значит получить завтра национальную интеллигенцию. Поэтому выход нового букваря или геометрии—культурное событие. Нужно помнить, что конфессиональная школа узбеков (мектебы и медреса) общеобразовательных предметов не знала или разумела под ними разучивание по арабским книгам истин, сотни лет назад бывших научными открытиями древней Эллады; что простая грамота благодаря нелепому обучению оказывалась непосильной для многих детей после нескольких лет монотонного раскачиванья на школьной цыновке; что до революции кроме такой школы с исключительно религиозными устремлениями существовали лишь единичные «новометодные мектебы» **) да в очень редких случаях в русско-туземных училищах более развитые из туземных учителей выходили за отведенные им рамки вероучения и сообщали на родном языке общеобразовательные сведения; что, наконец, русской властью допускался лишь один путь приобщения туземцев к европейской науке—через усвоение русского языка и казенные источники знания. При таких условиях, естественно, не откуда было взяться учебной литературе у узбеков.

К сожалению, нигде во-время не собраны и не сохранены для историка все употреблявшиеся до революции в новометодных мактабах и русско-туземных училищах учебники; за полную их коллекции в Туркестанской Государственной Библиотеке ручаться нельзя. Научным сотрудником Государственного Ученого Совета К. К. Юдахиным ***) собраны, частью по матерьялам Т. Г. Б., частью расспросным путем, такие сведения.

Центром производства учебников для новометодных мактабов Туркестана был Ташкент. Кое-что печаталось в Самарканде (издательство «Зеравшан», во главе с Бегбуди ****) и его учеником Ходжи-Мугином), в Коканде (изд-во «Гай-

*) В следующих №№ журнала будут даны обзоры учебной литературы киргиз, туркмен и таджиков.

**) 1-ая в Туркестане новометодная школа была открыта татарами в Токмаке в 1893 г.; в 1900 г. открылась школа Мунаввар-Карй Рашид-хана в новом Ташкенте (у «Госпитального базарчика»); с 1906 г. Р.-х. перенес свою школу в старый Ташкент.

***) Он же принимал участие в библиографировании учебников революционного времени.

****) Биографию Б. см. в № 1 ж. «Наука и Просв.».

рат» — «Энергия», во главе с Захировым, ныне преподавателем Узбекского Педагогического Училища в К.), также в Казани, Оренбурге и Уфе. В Ташкенте работа группировалась преимущественно вокруг частных издательств «Туркестан» (основ. в 1908; во главе был Мунаввар-кари Рашид-хан) и «Мактаб» (во главе был Абдулла Аулани, ныне преподаватель Узбекского Института Просвещения в Т.). Печатание производилось обычно литографским путем у Арифджанова, Ильина или Порцева, реже в других литографиях.

Из напечатанного в типографии при б. канцелярии генерал-губернатора нам известен единственный учебник: полулегендарная «История Туркестана» تارىخ تركستان от времен узбеков (составитель сотрудник «Туркестанской Туземной Газеты» Мулла-Алим Махдумходжаев); употреблялась эта книжка только в русско-туземных училищах; других учебников на узбекском языке из этой типографии мы не видели.

Издавались больше всего буквари и книги для чтения по родному языку в первых классах, до 5-го включительно. Нам известны буквари:

1) برنجی تعليم (Первое обучение) Абдулла Аулани, 2) ادیب اول (Первый учитель) Мунаввар-кари Рашидханов, 3) تسهیل الالفبا (Легкий букварь, 4) سلم الاول (Первая лестница) Павел Быданов (воспитанник Турк. Учит. Семинарии), 5) استاد اول (Первый учитель) Саид Расуль Саид Азизов (преподаватель русско-туземного училища, впоследствии практикант узбекского языка в Турк. Учит. Семинарии).

№№ 4 и 5 употреблялись только в туземных классах русско-туземных училищ.

Буквари все составлены по звуковому методу; по системе мало между собой отличаются. Образцом иногда служило преподавание русской грамоты в русско-туземных школах; было и татарское влияние. Первый букварь Рашид-хана вышел в 1907 г.

Книги для чтения:

1) تعليم ثانى (Второе обучение) У. К. Халык-зода, 2) ادیب ثانى (Второй учитель) Мунаввар-кари Рашидханов, 3) بالالر باغچهسى (Детский сад) М. Р. Расули, 4) رهبر ثانى (Второе руководство), 5) ادبلك اوغلان (Благовоспитанный мальчик) Мухамеджан Кари, 6) مكتب گلستانى (Школьный цветник) Абдулла Аулани, 7) ادبیات (Литература в 3-х частях) Абдулла Аулани, 8) زبد الاشعار (Сливки поэзии) А. Шакуров, 9) سبز مزار (Лужайка) Мунаввар-кари Рашидханов, 10) عين الادب (Источник благовоспитанности) Сыдыки.

Примером для этих книг могли послужить татарские сборники стихотворений и хрестоматии. Некоторые учебники являются сборниками оригинальных стихотворений узбекских поэтов. Более ценны №№ 6, 7 и 9. Отдельные стихотворения из них, как по форме, так и по содержанию, могли бы занять свое место в школьных узбекских хрестоматиях.

По арифметике были изданы: 1) رهبر حساب (Руководство арифметики) Хамид Са'ид, 2) حساب مسئلهسى (Вопросы арифметики) Инаятулла Мирзаджанов, 3) تعليم حساب (Обучение арифметике) Инаятулла Мирзаджанов.

Арифметические руководства составлялись, видимо, людьми случайными. Незначительны они по содержанию и не выдерживают никакой критики в отношении метода.

Учебниками географии являлись: 1) يير يوزى (Поверхность земли) Мунаввар-кари Рашидханов, 2) جغرافيهء اجمالى (Всеобщая география), 3) جغرافيهء رياضى (Математическая география) Фахрутдинов.

Первая и вторая книги претендуют на роль учебников всеобщей географии, но они настолько кратки, что все содержание их сводится к перечислению мате-

риков, морей, государств. Третья книга так бессистемна, что ни роли учебника, ни роли книги для внеклассного чтения взять на себя не может.

По истории нечего назвать кроме упомянутой уже книжки Махдумходжаева. Оговариваемся еще раз, что за полноту сведений ручаться нельзя.

Довольно много было составлено для новометодных школ руководств по вероучению и этике; были учебники персидского языка и учебники, подготовлявшие к чтению Корана. К сожалению, у нас нет точных данных, какие из перечисленных учебников были действительно в ходу в школах (иные выдержали по многу изданий), а какие не получили распространения.

* * *

Революция сразу пред'явила на учебную литературу такой огромный спрос, для удовлетворения которого не было ни литературных, ни типографских средств. В первые годы революции в Ташкенте частными лицами было переиздано несколько старых учебников. (Точных сведений опять нет).

В Самарканде в 1918 году вышел букварь *اورتاق* («Товарищ»), составленный В. Л. Вяткиным; из-за промахов языка букварь распространения не получил.

В 1918 и 1919 г.г. в издании Комиссариата Народного Образования вышли:

1) *Перевод двух частей казанского учебника арифметики Валишева* حساب — книжки, составленной по трафарету русских задачникков старой школы (ч. I 28 стр., ч. II 64 стр.). Для 1 и 2 годов обучения.

2) *Букварь «Савга» Ш. Рахими.*

3) *Начальная география.* Подробная физическая география باشلانمه جغرافيه — перевод из книги Крубера и др.

4) *Туркестан.* Руководство для преподавателей по геологии, этнографии, истории и географии تورکستان — перевод из «Очерков географии России» Крубера и др., сделанный сначала на татарский язык и потом «обузбеченный» одним из членов редакции. Обещанных на обложке иллюстраций в книжке нет. (Стр. 70).

5) *Разрезная азбука.*

Издательством учебников руководила «Тюркская секция» Наркомпроса.

С 1920 года выпускает учебники Туркестанское Государственное Издательство. В 1920 году вышли:

1. *Хрестоматия* تورك مکتبی — «Тюркская школа»; это перевод с некоторыми изменениями татарской хрестоматии Бектави, сделанный ташкентцем Абду-Салямом (стр. 74, тираж 10000).

2. *Букварь для взрослых* كهتله رگه ثوقوش «Катталарга Укуш», составленный для центральной чрезвычайной комиссии по ликвидации безграмотности М. Кадыровым, Г. Мукминовым и Ш. Исламовым (стр. 48, тир. 100.000).

К сожалению, точных данных о работе Госиздата в 1920 г. мы не имеем; во всяком случае никаких других изданий учебного характера на узбекском языке за этот год нам не попадалось.

В январе 1921 г. по инициативе старо-ташкентского литературного кружка «Чагатай» был созван Наркомпросом первый краевой узбекский съезд по вопросам языка и орфографии, принявший ряд тезисов о реформе орфографии. Для проведения в жизнь своих постановлений съезд избрал постоянную комиссию при наркомпросе в составе: ташкентца Машрика Юнусова (псевдоним Ильбек), андижанца Хамида Сулейманова и самаркандца Вадуда Махмудова. Несколько месяцев спустя эта «Узбекская Научная Комиссия» была присоединена к вновь организованному Научному Совету Наркомпроса (ныне Государственный Ученый Совет), при коем и состоит до сего времени. Личный состав комиссии менялся неоднократно; из первого состава теперь работает только М. Юнусов; вообще комиссия редко имела более двух членов налицо.

Узбекская Научная Комиссия с самого начала поставила главнейшей своей задачей создание учебной литературы. Комиссия давала задания своим членам и делала заказы посторонним лицам на составление и перевод учебников. Готовые рукописи передавались Госиздату.

В 1921 г. Госиздатом отпечатаны:

1) *Букварь «Савга»* *اوغا*, сост. Шакирджан Рахими (ныне заведывающий Женским Узбекским Ин-том Просвещения в ст. Ташкенте); книга недурно иллюстрирована (64 стр., тираж 20.000).

2) *Книга для чтения на 3-ем году обучения «Узбекча Укуш»* *ئوزبېكچە ئوقۇش* сост. Ильбек и Сайфи (казанец) (56 стр., тир. 30.000).

3) Крупным событием был выход созданного Узбекской Научной Комиссией детского журнала *بالاڭار دونياسى «Детский Мир»**. В 1921 г. вышло 2 №№ in 4°, по 24 стр., в количестве 5000 экз. каждый, с 4—6 иллюстрациями (иногда аляповатыми).

4) *Разрезная азбука*.

5) *Стенная азбука*.

От 1921 года несколько рукописей, данных Узб. Н. Комиссией, остались в Госиздате ненапечатанными по техническим условиям.

За 1922 год до 20 октября вышли из печати:

1) *«Узбекча Укуш»* ч. 1 и ч. 2 (книга для чтения на 1 и 2 гг.) сост. те же, что и 3-ей части; в составлении 2-ой ч. участвовал еще Арифханов. (Ч. 1-ая об'емом в 100 стр., с тиражем 50.000, ч. 2-ая в 60 стр. с тир. 35.000). Обе части иллюстрированы.

2) *Геометрия* *رييازىياتدان برنجى دەرسلەر* сост. Байбуровым (224 стр., тир. 30.000). Для 1 ступени. Составлена на татарском языке специально для Узб. Н. К. и ею переведена.

3) *Букварь «Узбек Алифбасы»* *ئوزبېك ئالفباسى* сост. Шакирджан Рахими; заново переработанная книга по сравнению с «Савга». (Стр. 64, тир. 25.000).

4) *«Правила правописания»*—«Язы юляры» *يازۇۇ بوللارى* сост. Ильбек (стр. 30, тир. 20.000).

5) *Карта Туркестана* (50 в. в дюйме); к сожалению, густая окраска административных делений совершенно затемняет бледные физико-географические контуры.

6) Продолжал издаваться детский журнал: вышел № 3—4 уже под другим названием *شەرق چېچەڭگى «Цветок Востока»*. (Стр. 28, тир. 10.000).

Печатаются и подготовлены к печати:

7) Байбуров—*Начальная алгебра* (составлена на татарск. яз. специально для Узб. Н. К. и ею переведена).

8) Ниязи—*Начальная физика и химия*.

9) Курбан Галиев—*Арифметика* (перевод нового недурного татарского учебника).

10) Трояновский—*Ботаника* (пер. с рус.).

11) Трояновский—*Неживая природа* (пер. с рус.).

12) Ш. Рахими и И. Хакимов—*Узбекская грамматика* (один из составителей татарин).

13) Сайфи—*История культуры* (составлено на тат. яз. для У. Н. К. и ею переведено).

14) Балашев—*География Туркестана* (пер. с рус.).

15) *Карта Азии*.

*) В 1919—20 гг. Кабинет родного языка при Педагогической лаборатории в новом Ташкенте издавал русский детский журнал «Юный Туркестанец», в котором помещались статьи и стихотворения также на узбекском языке (1—2 в номере; всего вышло 4 двойных №№); там же можно найти хорошие рисунки из туркестанской жизни.

Помимо редакции Узб. Н. К-ии Госиздатом была выпущена в 1922 г. басня Крылова «*Мартышка и очки*»—«*книжка картинок*», весьма неудачная по мелкому шрифту.

* * *

В списке работ по созданию учебной литературы надо указать также *руководства для учителей*. До Узбекской Научной Комиссии были изданы Госиздатом и Наркомпросом:

- 1) Листовка «*Инструкция о работе в школах 2 ступени*»—в 1921 году.
- 2) «*Программа Ед. Тр. Школы* (на тюркском [читай: «узбекском»] языке)» (стр. 50, тираж не указан)—в 1920 г.
- 3) «*Уход за ребенком*» (советы матерям)—*بالا تربيه سى حقيده*. Автор — детский врач; фамилия на обложке не поддается чтению. Печаталось в гор. Фергане (Скобелеве) в 1920 г. (стр. 26, тир. не указан).
- 4) Журнал «*Просвещение*» *معارف* в 1918—1919 гг., №№ 1—6, 4°, в среднем по 10 стр. Статьи гл. обр. популярные и организационные.
- 5) *Положение о Ед. Тр. Школе с сеткой для 5-ти классов* 1919 г., стр. 8. *برلمشكهن محنت — كامونا مكتبلرينك نظام نامىسى*

Под редакцией Узб. Научной Комиссии вышли:

- 6) *Уроки педагогики*—*پەن تەربيه ساباتلارى* сост. Абдулрахман Сагди (преподаватель Татарского и Узбекского Инпросов) (стр. 64, тир. 5000). Составлено по-татарски специально для Узбек. Н. К-ии и ею переведено.
- 7) *Материалы 1-го съезда узбекских работников просвещения в 1921 г. по выработке орфографии*—*تل وەئىملا* (стр. 52, тир. 1000).
- 8) *Справочник по дошкольному воспитанию* *موراجعه‌ئەنەك — اسپر اوچنىق* (стр. 48, тир. 5000). Перевод с русского материалов, подготовленных отделом дошкольного воспитания Туркест. Главоцвса.
- 9) *Программа по родному языку для 7-летней школы, с методическими указаниями* (гл. обр. развитие речи). Текст составлен на рус. яз. специально для узбекской школы Н. П. Архангельским и Н. В. Дегтерева и переведен с дополнениями под ред. Узб. Н. К. (Издание Наркомпроса).

Ждет печати:

- 10) Сагди—*Трудовое воспитание и трудовая школа* (перевод с татарской рукописи).

Перечень педагогической литературы на узбекском языке будет, кажется, исчерпан, если указать еще на три статьи, помещенные в № 1 научно-популярного журнала «Билим Очагы»—*بىلىم ئوچاغى* (изд. Гос. Уч. Совета, Ташк. 1922).

а) Н. П. Архангельский—«Половое воспитание» (перевод статьи, написанной по-русски специально для узбекских читателей).

б) А. Сагди—«Исторический обзор трудового воспитания и трудовой школы» (пер. статьи, написанной по-татарски).

в) Ишчи (псевд.)—«Необходимо воспитывать в революционном духе».

Кроме этого в узбекских газетах можно найти только статьи, посвященные злободневным организационным вопросам школы.

* * *

Количество подготовленных Узб. Н. К-ией учебников невелико.

Содержание многих книг заслуживает серьезной критики, особенно со стороны методической.

Но, чтобы оценить всю проделанную работу, надо знать объективные условия.

Прежде всего: Госиздат до сих пор отставал со своим печатным аппаратом от литературного аппарата Узбекской Научной Комиссии. Этому, как и многочисленным опечаткам, у Госиздата есть серьезные оправдания—недостаток мусульманских

шрифтов и наборщиков и необходимость прибегать к крайне неудобной литографии. Но *в будущем* не исключена возможность, при улучшении технической стороны мусульманских типографий, что перья не угонятся за печатной машиной. Причины медленности производства учебников на узбекском языке, а также их качественных недостатков настолько глубоки, что к ним пора подойти вплотную.

Круг узбекских литературных сил крайне ограничен. Во-первых, это несколько десятков людей со средним или высшим европейским (русским) образованием. Среди них некоторые имеют педагогическую подготовку и стаж, достаточные, чтобы составить оригинальный учебник на родном языке, приуроченный и к местным условиям и к требованиям современной школы; остальные (за исключением разве сильно обрусевших, но таких—единицы) могут быть единственными хорошими переводчиками русских книг. Но беда в том, что эти люди по горло заняты по большей части ответственной работой *). Прильгающее к этой группе узбекское студенчество Туркестанского Университета и других высших учебных заведений в большинстве своем, по отсутствию собственного педагогического опыта, может быть использовано только для переводной работы. *Другая группа*—лица с восточным образованием: чаще—ученики мадрасса, которых вырвали у схоластики собственные природные дарования и вихри революции; реже—питомцы константинопольских или татарских учительских институтов и семинарий. Эта группа обычно учителствует; она может дать хороших переводчиков с других турецких языков, а также работников по методике родного языка (составителей литературных хрестоматий и проч.); труднее ей справляться с естествознанием. Таким образом, возможные авторы оригинальных узбекских учебников сейчас на перечет; кадр переводчиков с русского и с других турецких языков как будто имеется достаточный.

Крайне плохое вознаграждение за авторский труд—причина того, что используется лишь ничтожная часть этих сил. Госиздат, правда, платит довольно аккуратно за напечатанное им; но, во-первых, гонорары его, благодаря неокрепшему хозяйству,—мизерны (цена учебника, требующего многих месяцев упорного труда, равняется часто месячному заработку специалиста в «назовских» учреждениях); во вторых, оплата производится обычно по выходе книги из печати. Авансирование же авторов и переводчиков Узбекской Научной Комиссией очень часто невозможно из-за хронического отсутствия денег на операционные расходы, особенно в последние месяцы.

Между тем специфические причины требуют длительной работы над каждым узбекским учебником. Это, во-первых, отсутствие научной терминологии на узбекском языке. У переводчика или составителя книжки по естествознанию или математике значительная часть труда уходит на подыскание подходящих выражений из турецкого языкового мира или на решение вопроса, откуда заимствовать новое слово: из арабского, персидского, русского или латыни. Ясно, что такая работа требует не только большой эрудиции и чутья языка, но и огромной затраты времени: необходимо справиться о вошедших уже в газетный или школьный обиход терминах, согласовать свою работу с другими близкими; и все это при отсутствии сколько-нибудь полного лексикона. Велики также ответственность и труд редактора—Узбекской Научной Комиссии, следящей за чистотой устанавливаемого литературного языка. Этот момент заслуживает особого упоминания. Литературным языком юго-восточного оседлого Туркестана легко могло бы стать наречье культурного центра—Ташкента (как было в России с московским говором); но идеология конгломератной нации, самоопределяющейся под именем «узбе-

*) Это относится преимущественно к более молодому поколению; еще более редкие выходы в европейскую культуру старого времени часто безнадежно растворялись в русском чиновничестве.

ков», тяготеет к более чистому с турецкой точки зрения андижанскому диалекту. *) Материал для *литературных хрестоматий* трудно подбирать из-за недостатка детской литературы на узбекском языке; дело можно бы поправить переводами с русского, так как на русском языке имеются почти все перлы мировой детской и юношеской литературы (из них многие по интернациональности сюжета или по близости изображаемого быта—напр., «колонинальные рассказы»—вполне доступны туркестанским детям); беда в том, что поручать художественный перевод обычным переводчикам учебников рискованно, а узбекские писатели редко понимают свободно по-русски. Принявший за *зоологию* или *ботанику* сталкивается с отсутствием педагогической проработки туркестанской фауны и флоры и т. д.

В некоторых случаях можно было бы восполнить пробелы в узбекской учебной литературе переводом казанских, крымских, азербейджанских или османских книг, но для этого необходима живая связь, постоянный обмен изданиями с этими странами; для него нет до сих пор аппарата.

Все это достаточно объясняет как медленность создания учебной литературы на узбекском языке, так и ее качественные недостатки. При существующих условиях работают обычно случайные люди, переводятся случайные книги, и невозможно выполнить сколько нибудь широкий план. Если же вспомнить, что в значительной степени скромными силами Узбекской Научной Комиссии (2—3 штатных работника) осуществлен созыв 2-го съезда узбекских работников просвещения, создан первый узбекский популярно-научный журнал, собраны старые рукописи, выпущено несколько литературных сборников,—то очевидны будут заслуги Комиссии, в такой трудной обстановке значительно продвинувшей вперед дело издания учебной литературы на родном языке.

После революции в Бухаре появился новый центр узбекского книгопечатания. Бухарским Назиратом Народного Просвещения приступлено к выпуску учебников, из которых мы в настоящий момент имеем под рукой только иллюстрированный букварь *تل آجغج*, изданный в 1922 г., (составитель *حسن علی*; стр. 80, тир. 5000). К сожалению, узбекские учебники в Бухаре и Ташкенте имеют разную орфографию.

Нет вовсе вестей об издании учебников из Хивы. По последним сведениям для Хорезмской республики закуплены новые шрифты в Германии.

* * *

Приведенные выше списки показывают, как бедна еще узбекская учебная литература. Если у нас что и пропущено, то пропуски эти вряд ли могут изменить качественную характеристику ее, как мало удовлетворительной. На эту то сторону—на изменение методической стороны в духе современной трудовой школы и на большее приспособление к туркестанским условиям—и должно быть обращено внимание при выпуске новых учебников.

Кроме того, среди существующих учебников нет ни одного для 2-ой ступени. Так как в настоящее время узбекских школ 2-ой ступени вместе с рабфаками и педагогическими училищами не более десятка, и преподавание почти во всех них иногда подавляющего большинства предметов ведется по-русски (по недостатку преподавателей не только узбеков, но даже татар **), то с этим можно было бы примириться, только как с *временным* явлением; но тем большую остроту при-

*) См. в № 1 «Н. и Пр.» ст. Е. Д. Полизанова «Звуковой состав ташкентского диалекта» где присутствие *иранск-й* «языковой подпочвы» в ташкентском говоре доказано чисто фонетическим подходом.

**) Некоторые узбекские школы 2 ст. держались в значит. степени на бывших военнопленных османских офицерах.

бретает вопрос о пособиях при преподавании узбекской литературы и языка—основных предметов школы, которая хочет быть национальной. Сдвинуть этот вопрос—другая перво-очередная задача. Третья,—вытекает из тех же фактов: необходим учебник русского языка для узбеков (сейчас узбеки обучаются русской грамоте по Флерову); необходим хороший русско-узбекский и узбекско-русский словарь (первое и пока единственное издание Наливкина давно стало библиографической редкостью и нуждается в исправлениях и больших дополнениях). Крайне важным является создание руководящей литературы для учителя. В виду низкого образовательного уровня узбекского учительства недостаточны руководства общепедагогические или чисто методические. Необходим особый тип книги: изложение фактического материала, сопровождаемое методическими и педагогическими комментариями.

До сих пор достаточно не осознан огромный пробел в узбекском воспитании—полное отсутствие детской художественной литературы. Интернациональные образы Робинзона, героев Жюль-Верна, Амичиса и др. должны быть так же близки сердцам юных туркестанцев, как близки они детям Европы, Америки, Австралии. Так как перевод художественных произведений—дело затяжное, то особенно нужно настаивать на введении в обиход туркестанской школы художественной картины, как интернационального возбудителя душевных порывов, столь ценных для воспитателя.

Наконец, известный минимум готовых наглядных пособий необходим и в современной школе, стремящейся создать свой музей руками учеников. Многое здесь может быть взято из русских и заграничных изданий с простым переводом надписей. Специально придется составлять в первую голову учебную карту Туркестана (ибо существующие карты не пригодны для школы) и таблицы по истории Туркестана (напр., изображения исторических памятников).

* * *

В заключение хочется указать на забытый верный путь получения *хороших* учебных пособий—*конкурсы*. Путь это дорогой, но надо помнить, что очень многое из намеченной программы одинаково нужно для *всех* наций Туркестана; при таких условиях затрата средств оправдывается с лихвой.

Ник. Архангельский.